

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 42-я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Атомный ледокол «Ленин».

На первой странице обложки: Фото Дм. Бальтерманца.

В череде грядущих наступлений,
С веским словом мира заодно,
Атомному ледоколу «Ленин»
Нашею наукою дано
Приводить в движение моторы,
Прославлять Советскую страну,
Айсберги крошить,
Крушить заторы,
Сокрушать холодную войну.

Василий ЖУРАВЛЕВ

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1691)

7 НОЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

**Советский Союз, все социалистические
страны своей миролюбивой политикой
открыли перед человечеством путь
развития общества без войн, на основах
мирного сотрудничества.**

Н. С. ХРУЩЕВ.

Из доклада на III сессии Верховного Совета СССР.

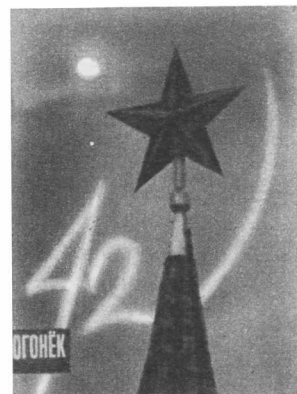

Москва, Кремль, 31 октября 1959 года.
Председатель Совета Министров СССР,
Первый секретарь ЦК КПСС товарищ
Н. С. Хрущев на трибуне III сессии
Верховного Совета СССР.
Фото А. Устинова.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 1959 ГОД

Фото Дм. Бальтерманца.

Мы, советские люди, считаем, что проблема разоружения является важнейшей проблемой современности.

Н. С. ХРУЩЕВ.
Из доклада на III сессии Верховного Совета СССР.

Оружие, долой!

Генрих БОРОВИК

Когда-то человека убивали просто и незамысловато — посредством каменного топора. Но выпрямлялся человеческий позвоночник, уменьшались челюсти и совершенствовались способы убийства.

В самом конце второй мировой войны, когда участь противника была уже решена, рано утром 6 августа 1945 года над японским городом Хиросима появился американский бомбардировщик «Б-29». С высоты 7 200 метров он сбросил на парашюте какой-то груз и на максимальной скорости ушел в сторону. Шелковый купол медленно и неотвратно спускался к домам, к улицам, заполненным людьми, спешившими на работу (был понедельник). На крепких стропках он нес сгусток огромной энергии — великое открытие людей, которое могло бы облагодетельствовать человечество.

В 8 часов 15 минут на высоте 660 метров сгусток энергии освободился. Через несколько секунд 60 процентов города превратились в развалины.

Через два дня подобная катастрофа разразилась над Нагасаки.

Каждая из этих бомб была в тысячу раз мощней самой крупной из крупных бомб, использованных во второй мировой войне.

Советский Союз предложил навсегда запретить и уничтожить чудовищное оружие. На это было отвечено отказом. И началась бешеная гонка средств уничтожения, родившаяся за океаном. Прошло несколько лет — и появились бомбы в тысячи раз мощнее бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки. Появились бомбы взрывной силы, в пять раз превышающей силу всех взрывчатых веществ, примененных во второй мировой войне.

Убийство человека поднялось до уровня точной науки. Подготовка к этому убийству стала на рельсы высокоорганизованного промышленного производства.

Кто-то назвал это сумасшествие довольно выразительно: «холодная война».

Бомбардировщик «Б-58» стоит американскому народу 27 миллионов долларов. Весит самолет 47 тысяч фунтов. Значит, каждый фунт обходится в 568 долларов. А цена одного фунта чистого золота в США — 560 долларов. Буквально самолет на вес золота!

Сто миллиардов долларов, которые человечество ежегодно тратит на вооружение, не только мертвый капитал. Это капитал смерти.

Но цена «холодной войны» неизмеримо больше, чем это может показаться, если просто подсчитать расходы на вооружение.

«Холодная война» — это еще и огромное, не поддающееся исчислению количество человеческой энергии, труда рабочих, это гений ученых, знания, изобретательность, мастерство, растроченные впустую.

«Холодная война» — это издерганные нервы людей, ежедневно читающих в газетах капи-

талистических стран фантастические рассказы о «летающих тарелочках», людей, застывающих в немом ужасе перед экранами телевизоров, когда омерзительные «теле- и радиослушники» сообщают «по ошибке» о нападении атомных ракет на Лондон или Нью-Йорк.

Наконец, «холодная война» — это физические жертвы, число которых еще трудно установить с точностью.

Ежегодно в мире рождается около 75 миллионов детей. Медицинская статистика говорит, что приблизительно полтора миллиона из них рождаются по тем или иным причинам дефективными. Ученые считают, что приблизительно 15 тысяч детей ежегодно рождаются дефективными под влиянием радиации.

У сторонников гонки вооружений есть такой «аргумент»: чем больше в мире атомных бомб, тем меньше вероятности, что какая-нибудь сторона решится применить их.

Такие разговоры напоминают одного американского генерала, который уговаривал греков дать согласие на размещение в Греции подземной ракетной базы. Он в самых ярких красках живописал перед союзниками по НАТО мощь этой базы и эффективность ее защиты. «На нее могут быть сброшены сорок водородных бомб, — хвастал он, — и это не помешает ей выпускать снаряды!» Но генерал забыл объяснить грекам, что эти «сорок водородных бомб» в случае войны обрушатся — то на их головы.

Гонка вооружений подошла к той критической стадии, когда количество может внезапно перейти в качество. Пушки сами начнут стрелять, и не только пушки. Уже были случаи падения американских бомбардировщиков с ядерными бомбами. К счастью, взрывов не последовало.

Война может вспыхнуть из-за внезапного помешательства того, кому доверено «нажать кнопку». Ведь человечеству просто повезло, что Форрестол выпрыгнул из окна. Безумный министр мог принять и другое решение...

Война сегодня совсем не похожа на войны первобытного общества. Но, основанная на последних достижениях человеческого гения, она еще более первобытна по своему характеру, чем была. Она стала неизмеримо более чужда человеку, чем тысячи лет назад.

С того дня, как впервые племя полуголых людей, взяв в руки дубинки и каменные топоры, пошло войной на другое племя, мечта об уничтожении войны никогда не покидала человечество. Но ни на одной ступени истории не удалось убить это массовое убийство.

И вот 18 сентября 1959 года глава правительства первого в мире социалистического государства Никита Сергеевич Хрущев с трибуны Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке предложил и обосновал перед всем миром план полного и всеобщего разоружения. План этот, как писали на Западе га-

зеты, произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Но это была «бомба», несущая людям надежду, а не страх, горе и смерть. Пропаганда ревнителей гонки вооружений соблазнила народы призраком «чистой бомбы». Идею полного очищения земли от ядерной смерти принес человек с чистым сердцем.

Н. С. Хрущев обращался с трибуны не только к делегатам международного форума, он говорил с человечеством. И человечество, всю свою многотрудную историю — грязную и кровавую, великую и благородную — мечтавшее о мире без войн, ответило тысячемиллионным, полным надежды «да»!

Сотни тысяч писем и телеграмм с выражением большой и простой человеческой благодарности Никите Сергеевичу Хрущеву были отправлены в этот и последующие дни из самых разных уголков земного шара.

Многие политические и общественные деятели разных стран тоже откликнулись на предложение Н. С. Хрущева с серьезностью и благожелательством, независимо от социального строя и политических взглядов, которые они представляют.

Обычно осень — предвестница морозов. Нынешняя осень поселила весну в сердце человечества.

Но от первого же порыва этого весеннего ветра в ужасе заметались те, кто удобно устроился на льду «холодной войны» и все эти годы верил в его незыблемую прочность.

19 сентября зашатался чувствительный к теплу курс военных акций на нью-йоркской бирже. «Пропаганда!», «Утопия!», «Трюк!», «Подозрительно!», «Невыполнимо!» — истерически завопила пресса «холодной войны».

Но в звонких голосах мальчишек-газетчиков, продававших утром такие газеты, все равно слышалось: «Надежда!», «Мир!», «Долой оружие!», «Конец войнам!». Американцы, англичане, французы хватали газеты и, не обращая внимания на заголовки, впились глазами в слова Хрущева.

«Холодная» пресса и кое-какие политические деятели скоро уразумели, что дали маху, выступая против предложения Хрущева. Один представитель государственного департамента, пожелавший остаться неизвестным, по свидетельству агентства Ассошиэйтед пресс, сказал в растерянности и испуге: «Самое ужасное (!!!), что невозможно быть против данного плана».

Людям этого сорта, которых Никита Сергеевич Хрущев сравнил с червями-короедами, пришлось искать и разрабатывать новую, более тонкую тактику. Короткое и слишком определенное слово «нет» было заменено более дипломатичным, но тоже недвусмысленным выражением: «конечно, да, но... все-таки нет».

Вокруг советского предложения некоторые газеты принялись чертить жирной типографской краской «заколдованные круги», чтобы не пустить «духа мира» к людям.

Ватиканская газета «Оссерваторе романо» вывела: «...Ни одна страна не согласится на разоружение до тех пор, пока она не получит такие гарантии безопасности, в результате которых вооружение станет ненужным...»

Газета «Гардиан» изобразила другой жирный словесный круг — и померкла слава Ватикана: «Раз мы не доверяем друг другу, то разоружение невозможно. А если мы друг другу доверяем в такой степени, что можно разоружаться, то разоружение не нужно!».

Заместитель начальника штаба военно-морских сил США адмирал Рассел, который, вероятно, боится в случае принятия советского предложения остаться безработным, тоже попытался нарисовать заколдованный круг. «Нужно остерегаться разоружения на коммунистических условиях», — заявил он глубоко мысленно, видимо, придерживаясь принципа «Главное — посеять сомнения».

У меня есть знакомый журналист — «специалист по русскому вопросу» из весьма реакционной американской газеты. Иногда мы встречаемся там, где сводит нас профессия.

В 1956 году, в дни, когда было опубликовано решение Советского правительства в одностороннем порядке сократить свои вооруженные силы на миллион двести тысяч человек, я встретил своего знакомого на одной из пресс-конференций.

— Ну, как вы оцениваете новость? — спросил я.

Журналист ответил уже заготовленной фразой, может быть, взятой из его же собственной корреспонденции.

— Это ни о чем не говорит,— пожал он плечами.— Миллион двести тысяч направят на производство атомных бомб, и они станут еще опасней для Запада.

Это было чудовищно и настолько неожиданно, что я ничего ему не ответил, а только посочувствовал тогда этому человеку, которого власть доллара заставляет все видеть только так, как требует хозяин, даже если это противоречит разуму, сердцу.

Через два года я заинтересовался его мнением о решении Советского правительства односторонне прекратить атомные испытания. Он опять ответил мне готовой фразой:

— Вам выгодно, потому что вы нас обогнали в бомбах.

— Но мы предлагали запретить атомное оружие и тогда, когда у нас вообще не было атомных бомб! — заметил я.

Журналист подумал немного, отвел глаза и угрюмо выдал:

— Все равно...

Теперь, листая страницы некоторых буржуазных газет, я вспоминаю этого журналиста, его тупую, заранее внушенную хозяином позицию: «все равно».

Оспаривать можно убеждение. Предубеждение оспаривать бессмысленно. Но мы оптимисты, мы верим в человеческий разум и здравый смысл, присущий нормальным людям. Поэтому все-таки стоит поговорить о некоторых «веских аргументах» противников разоружения. Достаточно дотронуться до каждого из этих «аргументов» волшебной палочкой обычной человеческой логики, и они обращаются в прах.

Противники разоружения твердят: «Пропаганда». Но качество пудинга проверяют, съедая его. Стоит только принять советское предложение, как немедленно станет ясно, «пропаганда» оно или нет.

Они пытаются доказать, что разоружение «выгодно только СССР и странам социалистического лагеря». Но ведь, согласно их «западному» пониманию человеческих отношений, их собственной пресловутой «политике с позиции силы», именно **сильному** невыгодно разоружаться. Три десятка лет тому назад, отказываясь от советских предложений о разоружении, они как раз ссылались именно на это. Теперь сила Советского Союза и стран социалистического лагеря не вызывает ни у кого никаких сомнений. А «аргумент» против советского плана тот же. Где же логика?

Поманутая ватиканская газета требует таких гарантий безопасности, при которых «можно было бы разоружаться». Но каждый здравомыслящий человек понимает, что именно само разоружение и является наилучшей гарантией мира.

Еще один «аргумент». Поклонники «вечной мерзлоты» пытаются уверить мир в том, что план Н. С. Хрущева — несбыточная фантазия. И опять мудрая английская пословица о пудинге не оставляет от этого рассуждения камня на камне. Ведь несколько лет назад снимок невидимой стороны Луны казался утопией. А сегодня этот снимок лежит на столе советского ученого и печатается в газетах. Конечно, чтобы даже просто привыкнуть к мысли «мир без оружия», требуется революция в мышлении тех, кто считает оружие основным средством решения международных проблем. Но придется, видимо, и им привыкнуть: народы требуют. Ведь давным-давно не решают уже дуэль споры между людьми. Так неужели естественные человеческие отношения нельзя перенести на отношения между государствами?

Я оставляю в стороне те «аргументы» противников советского плана, которые построены на софизмах или на жульничестве. Да простят меня читатели за это грубое слово, но как иначе назовешь, например, крики по поводу того, что советское предложение якобы не предусматривает контроля за разоружением, если каждый грамотный может найти в нем совершенно противоположное: контроль действенный и всеобъемлющий.

Таковы «аргументы», которыми жонглирует мастер «холодной войны». Эти «аргументы» не настоящие, они дутые, как гири клоуна в цирке. И народы мира вправе потребо-

вать: «Прекратить клоунаду! Земной шар не цирк, а человечество не армия статистов. Давайте разговаривать серьезно!»

А при серьезном разговоре выплывает вот что. Преподаватель философии Гарвардского университета Роберт Вулф написал недавно письмо в газету «Нью-Йорк таймс». «Мне хотелось бы,— пишет Вулф,— на страницах вашей газеты задать один вопрос каждому, кто пожелал бы ответить на него.

Этот вопрос таков: действительно ли Соединенные Штаты хотят разоружения, пусть даже при соответствующих гарантиях, наличии планов инспекции и групп наблюдателей, против которых Россия до сих пор возражала? Конечно, мы хотим разоружения, скажете вы... Но какой сенатор или член палаты представителей из Новой Англии выскажется в пользу немедленного аннулирования военных заказов на производство электронного оборудования?.. Будет ли мощная авиационная промышленность приветствовать предложение о прекращении всякого производства военных самолетов и ракет?»

Ну что ж, трудности перед капиталистической экономикой действительно немалые. Однако говорить, что военное производство — панацея от безработицы, кризисов и анархии производства, могут только люди, признающие лишь одну экономику — экономику истребления. Рано или поздно «процветание», построенное на водородной бомбе, кончится кризисом. Таковы уж органические пороки капиталистической системы.

«Опасность» перехода на мирную экономику раздувается стараниями людей, для которых отказ от гонки вооружений означает падение доходов. Ликвидация искусственных торговых барьеров, построенных из льда «холодной войны», откроет перед такими высокоразвитыми странами, как США, Англия, Франция, Западная Германия, огромные рынки, откуда пойдут к ним крупные промышленные заказы. Вот они, необъятные возможности занятости населения и замены рынка оружия!

Ну, а пушечно-бомбовые короли? Что ж, положение их незавидное. Продолжать гонку вооружения — значит навлечь гнев всего человечества и поставить его (а значит, и самих себя) перед угрозой уничтожения; отказаться от вооружений — потерять доходы. Вот почему они, не рискуя прямо сказать «нет», мечутся по не растаявшим еще льдинам «холодной войны», склеивают швы между ними разговорами об «опасности» и «подозрительности» советских предложений...

В Рангуне в книжной лавке, где рядом с журналами «Только для мужчин» лежат хорошие, умные книги Чехова, Лондона и Хемингуэя, старый бирманец, владелец лавки, сказал мне с горькой усмешкой, показывая цветастый атомный гриб на одной из обложек: — Моего сына убили во время войны. С тех пор прошло тринадцать лет. Я читаю газеты — во Вьетнаме стреляют, в Корее стреляли, в Индонезию шлют мятежникам оружие, на островах испытывают атомные бомбы. И я иногда думаю: неужели я не сплю?! Как Человек, создавший вот это,— и он погладил сморщенной рукой несколько книг,— может снова становиться зверем и жить законом джунглей: уничтожь или будь уничтожен сам? Как совместить это?..

За последние годы наша старушка-планета

Снять с человечества бремя вооружений!
Фотомонтаж А. Житомирского.

стала как бы меньше. Все народы теперь — близкие соседи. Друзья могут попасть друг к другу за несколько часов, враги, к сожалению,— и того быстрее.

Так неужели люди, населяющие этот небольшой островок в океане мироздания, которое еще предстоит познать, не могут жить в мире и дружбе!

Нет, мы не предаемся иллюзиям фальшивого оптимизма, мы знаем, что врагов разоружения довольно много, знаем, что план, предложенный Н. С. Хрущевым, потребует огромной работы, потребует от всего мира совершенно нового подхода к международным проблемам, нового мышления.

Но он реален, он ощутим, этот план.

Сила его и реальность снова подтверждены Никитой Сергеевичем Хрущевым неделю тому назад, на этот раз с трибуны сессии Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце.

Словно мощная волна живительного тепла прокатилась по земному шару.

«Барометр Хрущева показывает хорошую погоду!», «Добрые слова Хрущева!», «Речь в Верховном Совете ломает лед «холодной войны»!», «Стрелка политического барометра движется в сторону «ясно»!», «Путь к миру указан всем!» — вот заголовки газет Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Токио, Копенгагена и сотен других городов.

Великую веру вселили в человечество слова Никиты Сергеевича: «Вся наша политика, основанная на марксистско-ленинской теории, проникнута заботой о человеке, о счастье народов. Поэтому мы против войны... Надо надеяться, что здравый смысл людей победит. Рано или поздно будут приняты разумные решения, которые дадут возможность народам жить в дружбе, доверять друг другу и не вмешиваться в дела других государств».

Со времени открытия человеком огня, дающего жизнь, самым важным достижением было бы уничтожение огня, приносящего смерть. Первое в мире социалистическое государство, которое празднует сегодня свою 42-ю годовщину, открыло перед человечеством путь к этой великой цели.

ДНИ,
КОТОРЫЕ
ВОШЛИ
В ИСТОРИЮ

Дорога, ведущая в Кэмп Дэвид—неофициальную резиденцию президента США.

КЭМП ДЭВИД

Это место теперь известно всему миру. Здесь состоялась встреча, которую многие годы ждало человечество.

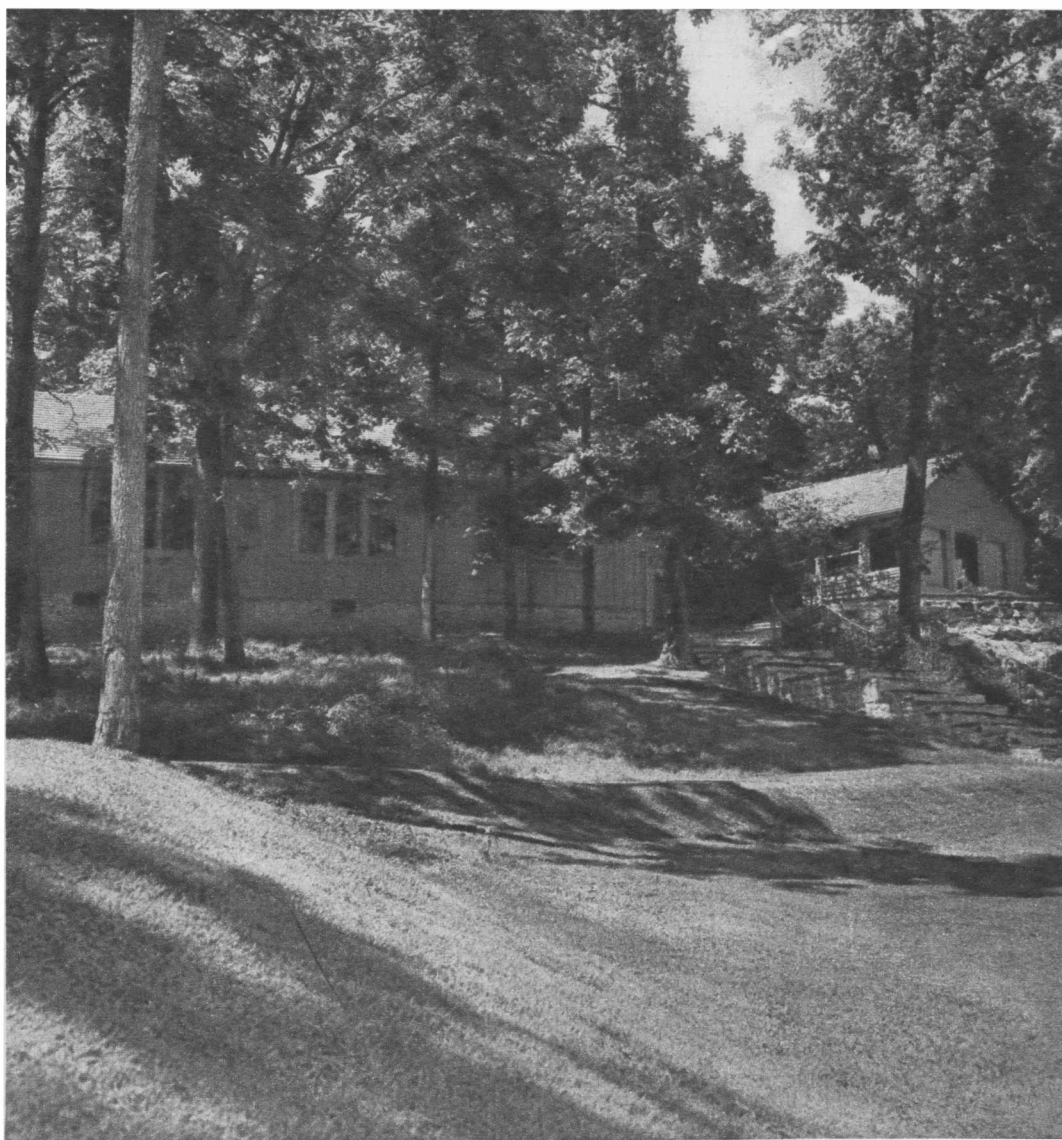
Никита Сергеевич Хрущев и Дуайт Д. Эйзенхауэр обменялись здесь мнениями по важнейшим международным проблемам.

Мы публикуем сегодня фотографии исторической встречи, предоставленные «Огоньку» американским агентством Ассошиэйтед пресс.

Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр перед началом бесед.

Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр в Кэмп Дэвиде.

Аспен Лодж.

←
Руководители двух государств направляются в Аспен Лодж — главное здание Кэмп Дэвида.

Н. С. Хрущев среди рабочих машиностроительного завода в Питтсбурге.

На ферме Р. Гарста.

Фильм О ВЕЛИКОМ СОБЫТИИ

Бор. ИВАНОВ

Дни, как страницы увлекательной книги, бегут, мелькают незаметно, неся с собой то чувство радости, то сожаление. Каждый новый день отодвигает, заслоняет вчерашние переживания, рождая другие заботы.

Уж так устроен человек.

Но в жизни народов бывают явления, события, которые не только не теряют своей свежести на следующий день, а, наоборот, становятся еще более значимыми, звучат все с нарастающей силой. Таким событием, осветившим лучом мира завтра человечества, определившим надолго вперед развитие международных отношений, во всех уголках земного шара считают визит Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки. Тринадцатые дни поездки главы Советского государства по США вылились в один мощный аккорд, заглушивший старую погудку про-

пагандистов «холодной войны» о «коммунистической опасности». Американский народ из первых рук узнал правду о жизни советских людей, об их образе мыслей, как бы воочию увидел живой коммунизм.

Когда в Лос-Анжелосе американский репортер спросил у стоящего рядом с ним юноши, почему он пришел встречать Н. С. Хрущева, тот ему ответил:

— Потому что, сэр, я хочу видеть, как делается история.

Эта короткая, полная глубокого смысла фраза вспомнилась мне, когда я смотрел документальный фильм «Н. С. Хрущев в Америке». Три советских кинооператора, В. Киселев, С. Киселев и В. Трошкин, запечатлели на пленку страницы исторического визита. Советские люди получили возможность своими глазами увидеть, «как делается история» —

история прочного мира, история государств без армий и пушек.

Первая страница этой истории рассказывает о встрече высокого гостя в Вашингтоне. Военно-воздушная база Эндрюс. На фасаде аэропорта два флага: красный — советский и звездно-полосатый — американский. Они сегодня рядом, как и много лет тому назад, в годы войны. Почему бы им снова не быть вместе, уже в другой борьбе — благородной борьбе за мир?!

Этого ждут все люди земли. И, конечно, ждет американский народ. Свое отношение к этому он ясно высказывал во время пребывания Н. С. Хрущева в США. И одной из форм выражения дружеских чувств были массовые горячие встречи советского гостя на улицах городов, через которые пролегал маршрут. Сотни тысяч поднятых в приветствии рук граждан Вашингтона как бы говорили: жители столицы голосуют «за».

Союз в другой борьбе — борьбе за мир — предполагает и другую тактику. Не полные склады атомных бомб, а полное и всеобщее разоружение — вот что может обеспечить здесь окончательную победу. Именно такой план и был предложен Н. С. Хрущевым с трибуны Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Кинообъектив переносит зрителей в Нью-Йорк, на берег широкого Ист-Ривера. Чуть ли не к самым облакам поднялось здание ООН. Две стороны этого гигантского четырехугольника сделаны сплошь из стекла, а две другие глухие, железобетонные. По мысли учредителей ООН, это здание — окно, из которого должен быть виден весь мир со всеми его заботами и тревогами. Но как часто чья-то рука пытается опустить на него плотные шторы!..

Днем 18 сентября 1959 года это окно было распахнуто настежь. И по всей земле с быстротой молнии разлетелось предложение Никиты Сергеевича Хрущева о том, «чтобы в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели бы больше средств ведения войны».

Фильм рассказывает нам, как было встречено это предложение Советского правительства американцами. Специальный поезд мчит по золотой Калифорнии. Мелькают одетые в золотой наряд осени леса, словно золотыми нитками вытканы лимонные и апельсиновые плантации. Готовыми к прыжку кузнечиками прильнули к пологим холмам насосы нефтяных скважин: мерно качают они черное золото земли. Маленькая станция Сан-Луис Обиспо. Человеческое море залило платформу. Поезд делает остановку. И сразу же среди этого моря оказывается Никита Сергеевич Хрущев. Жители прибрежного городка слышали речь советского гостя в ООН. Свое отношение к ней они лаконично написали по-русски на больших белых щитах: «Разоружение необходимо!», «Разоружение для мира!».

Эти слова, усиленные тысячами голосов, мы слышали в Сан-Франциско и Питтсбурге, в Де-Мойне и Эймсе — всюду, где появлялись советские гости. Жаль, что на кинолентку попадало только изображение и сравнительно мало звукового фона. Афористичный,

точный, остроумный текст Николая Грибачева раздвигает рамки фильма, наполняет его публицистической страстью, но, естественно, не восполняет отсутствия в некоторых местах документального звука.

Когда руководители государств говорят: «Долой оружие!», — простые люди на это отвечают: «Да здравствует разум!» И берутся не за меч, а за плуг, покрывая поля тучным ковром хлебов. Такие поля мы видели в штате Айова, куда и переносит зрителя кинообъектив.

Ой, Айова, Айова, Ты прекрасна, как мечта поэта! — поют фермеры этого штата.

Так оно и есть на самом деле. В Айове выращивают отличную кукурузу, разводят породистый мясной скот, создают все то, что нужно человеку. И сюда, к фермеру Р. Гарсту, приехал Н. С. Хрущев. Не площадки для запуска ракет интересуют высокого гостя, хотя путь в одном месте и пролегал недалеко от них, — его привлекают поля, рождающие жизнь. И здесь между советским премьером и лучшим в Америке фермером завязывается деловой разговор о методах возделывания кукурузы.

— Я с господином Гарстом давно знаком, — говорит Н. С. Хрущев, — и знаю его как хорошего фермера, который успешно ведет свое дело. Но и у хорошего хозяина иной раз не все бывает на высоте.

И Никита Сергеевич отмечает, что Р. Гарст сеет кукурузу слишком загущенно, в результате чего получает меньше кормовых единиц с гектара.

— Но господин Гарст немного зазнался, — шутит Н. С. Хрущев, — и не хочет слушать критические замечания.

Добрый, дружеский смех раздается в ответ.

Но не все земли в Америке покрыты тучными хлебами. Есть в этой богатой стране и поля, тающие смерть. Еще бродят по американским городам и весям и люди, которые не хотели бы дружеских отношений между нашими странами, смягчения международной обстановки. Фигур и лиц этих людей зритель не видит, но тень от них нет-нет да и промелькнет на экране в виде бесчисленного количества полицейских, официально представленных для «обеспечения безопасности» высокого гостя, а на самом деле собранных для того, чтобы отгородить его от американского народа.

Из песни слова не выкинешь, на правду наручников не наденешь. Америка услышала, увидела, узнала СССР и поняла, что нет для него иных целей, как цели мира, иных желаний, как желание счастья всем народам земли.

«Господин председатель Хрущев! Спасибо вам и благослови вас бог за вашу пропозицию разоружения», — прочитал я у въезда в город Эймс.

Эти мысли были в сердцах миллионов американцев.

Фильм заканчивается встречей Н. С. Хрущева в Москве. Улицы полны народа. Люди так тесно обступают машину с Н. С. Хрущевым, что она еле-еле продвигается к Лужникам. Народ пришел встретить своего достойного посланца, успешно выполнившего трудную миссию мира.

На празднование 10-летия Китайской Народной Республики в Пекин прибыл глава партийно-правительственной делегации СССР Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев. На с н и м к е: встреча на аэродроме. Пионерка преподносит цветы Н. С. Хрущеву.

Товарищи Н. С. Хрущев и Мао Цзэ-дун.

Демонстрация трудящихся Пекина на площади Тяньаньмынь. 1 октября 1959 года.

Рассказ

Г. МЕТЕЛЬСКИЙ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

1

Теван Яунгат, невысокий, плотный, безбородый ненец того неопределенного возраста, который наступает у северных народов после сорока лет, с маленьким коричневым лицом, иссеченным морщинами, высоко поднял полу малицы и достал из кармана меховых штанов сотенную бумажку.

— Сколько, говоришь, за материю?

— Восемьдесят шесть рублей пятьдесят копеек.

— Хорошо, давай сдачу.

Продавщица отсчитала тринадцать с полтиной и протянула их Яунгату.

— Теперь дай мне чаю пять плиток... Нет, дай шесть... Сколько, говоришь, за чай?

— Девяносто рублей.

Яунгат снова высоко поднял полу малицы, полез в карман и вытащил еще сотню. Получив сдачу, он обвел пристальным взглядом полки и остановился на большой кукле с закрывающимися глазами.

— Сколько стоит эта девочка?

— Сто двенадцать.

Яунгат все тем же жестом поднял полу малицы и вытащил еще две сотни. Сегодня он получил в рыбкоопе за песцовые шкурки много денег и по старой привычке решил истратить их как можно скорее.

— Ох, и беда мне с тобой, Теван! — вздохнула продавщица, отсчитывая сдачу. — Все у тебя?

— Зачем все? — удивился Яунгат. — Кто тебе сказал, что все? Еще надо конфет купить, и булки надо купить, и печенье надо купить, и ружье Саворко надо купить.

И опять четыре раза старый охотник лазил в карман за деньгами и столько же раз требовал у продавщицы сдачу. Затем, покончив наконец с покупками и сунув их в большой, специально припасенный для этого мешок, он вышел на улицу, на страшный мороз, от которого у непривычного человека перехватывало дыхание, и, затаившись бесконечную песню, побрел нетвердой походкой вдоль поселка в школу.

ДАЛЕКО НА СЕВЕРЕ

Короткий зимний день подходил к концу. Малинового цвета солнце висело в тяжелом, густом тумане над самым горизонтом, холодное, мутное и огромное. Заканчивался декабрь — месяц Большой Темноты.

Старый Яунгат бодро прошагал мимо двухэтажного райисполкома, клуба с афишей у входа «Сегодня вечер танцев», бани, столовой, откуда час назад он вышел заметно повеселевший. Впереди, в накаленном морозом тумане, показалось большое здание школы.

Заходить сюда Яунгату совсем не хотелось, но секретарь райкома, которого он встретил в рыбкоопе, когда сдавал шкурки, очень просил его повидать учительницу Светлану Ивановну. Яунгат решил было обстоятельно расспросить секретаря о цели предстоящего визита, но секретарь торопился куда-то, и Яунгату пришлось лишь посочувствовать человеку, у которого так много дел.

Собственно, он догадывался, о чем будет разговор с учительницей, ибо подобная беседа уже имела место в прошлом году и не принесла особого удовольствия ни Светлане Ивановне, ни Яунгату.

Размышляя об этом, старый ненец нерешительно прошел мимо школы, вернулся, опять прошел вперед, тон песни из бодрого вначале стал минорным, а потом песня и вовсе оборвалась на полуслове. Яунгат остановился и, вынув из мешка бутылку спирта, отпил из нее для храбрости добрый глоток и лишь после этого зашагал напрямик к домику возле школы, где жила учительница Светлана Ивановна.

— Ан торово! Здравствуй! — сказал он, открывая дверь в жарко натопленную комнату с огромной раскаленной плитой в углу.

— А, Теван пришел! Здравствуй, Теван! — ответила Светлана Ивановна. — Раздевайся, чай пить будем.

— Чай — это хорошо! — одобрил Яунгат.

Он бросил на пол мешок с покупками, отстегнул широкий, расшитый бисером ремень с подвешенным к нему ножом и оселком, снял через голову, как снимают рубашку, малицу и, неслышно ступая в оленьих сапожках — кихсах, прошел в горницу, заставленную комнатными цветами в больших кадках. По привычке он уселся на пол, на ковер, и, набив махоркой костяную трубку, с удовольствием затаился, выпуская из носа облака горького, ядовитого дыма.

Светлана Ивановна закашлялась.

— Зачем кашляешь? — удивился Яунгат. — Привыкать надо, курить надо, у нас все курят.

— И плохо делают! У вас и дети курят. Твой Саворко, я видела летом на рыбалке, с

папиросой ходил. Такой карапуз, а, гляди, тоже к табаку тянется.

— Мой Саворко большой уже, — обиделся Яунгат. — Десять лет, однако. Я ему ружье сегодня купил. Хороший помощник отцу будет.

— Вот видишь, десять лет человеку, а нигде не учится, букв не знает, писать не умеет, книжки читать не умеет... А ты его в школу не отдаешь!

Яунгат рассмеялся.

— Зачем ему книжки читать? Он следы на снегу читает. И куда песец побежал, читает, и за какой куст куропатка спряталась, тоже читает!

— Ну, ладно, — сказала учительница, — мы еще вернемся к этому вопросу. А сейчас давай чай пить.

Она внесла в горницу самовар, собрала на стол и, отломив от плитки чая кусочек, бросила его в большую чашку гостя. Яунгат плюнул в трубку, чтобы погасить ее, проворно поднялся с пола и сел на стул. Подвижное морщинистое лицо старика выразило явное удовольствие.

Чай Яунгат пил сосредоточенно и долго, откусывая твердый, как камень, рафинад и аппетитно сдвливая его крепкими желтыми зубами.

— Здоровый ты человек, Теван, — с завистью сказала учительница. Сама она была хрупкая, болезненная и, уезжая жить на Дальний Север, больше всего боялась, как бы у нее не заболели десны. — Тебе сколько лет?

— Пятьдесят восемь, что ли...

— И зубы не болят!

Яунгат удивился:

— Разве кость может болеть? Кость болеть не может... Мясо сырое кушать надо. Кровь оленью пить надо. Зуб всегда хороший будет.

— Ну, знаешь ли, кровь я пить не буду. Противно.

— Ничего не противно, очень даже вкусно. Тебе противно, ты и ученикам не даешь. И мяса сырого кушать не даешь. У всех плохой зуб будет.

— Мы в школе витамины даем — это еще лучше, чем сырое мясо.

Яунгат не знал, что такое витамины, но показывать свою неосведомленность не хотел и поэтому замолчал, делая вид, что увлекся чаем. Светлана Ивановна тоже умолкла, размышляя, как сломить упрямство этого человека, который всю свою жизнь кочевал по тундре и крупнее поселка, где она жила, ничего и никогда не видел.

В их микрорайоне, величиной с Бельгию, где

находилась школа, еще осталось несколько упрямых отцов, упорно не желавших отдавать детей в школу. Среди них был и Яунгат. Как только приближался сентябрь, он складывал на нарты свой чум, забирал обеих жен, троих детей, нехитрый скарб кочевника и уезжал в неизвестном направлении охотиться на дикого оленя.

Первая его жена, Аркане, оказалась бездетной, состарилась раньше времени, и Яунгат держал ее при себе лишь по привычке. А когда лет десять назад на охоте погиб брат Тевана, его жена, молодая красивая Катя, по неписаному закону предков, перешла в чум Тевана. Аркане покорно уступила ей место под пологом, где раньше спала рядом с Теваном, и на будущий год, к великой радости Яунгата, появился на свет Саворко. За ним родился Дуса и Степа.

С учительницей Яунгат познакомился на рыбалке — Светлана Ивановна приезжала туда с красным чумом в прошлом году, — а потом дважды заходил к ней в школу, куда его официально приглашали через сельсовет. Особого значения разговорам Яунгат не придавал, хотя они и не нравились ему, отшучивался, последний раз даже пообещал «подумать», а затем уехал и не показывался в поселке четыре месяца, до декабря.

Но сейчас он решил высказаться начистоту. — Это для русских школа саво — хорошо, для ненцев войва — плохо, — решительно заявил он, опорожняя пятую чашку.

— Ну, вот еще выдумал! — усмехнулась Светлана Ивановна. — Разве у нас в школе не учатся ненцы? Или ханты? Или коми? Или селькупы? Все учатся!

— Знаю, что учатся. Однако пользы никакой нету. — Яунгат разволновался. — После школы плохие, никчемные люди выйдут. Мальчики песца ловить не будут уметь... Какой это охотник будет? На оленя тынзян не будут уметь набросить. Девочки чум не будут уметь ставить. Дыма будут бояться, как русские. Что это будет за человек? Кому в тундре такой человек нужен?

— Так что ж, по-твоему, ребятам учиться в школе не надо? — уже в сердцах спросила Светлана Ивановна.

— Почему не надо? — улыбнулся Яунгат. — Мальчик газету прочитать может — это саво. Или письмо написать может — тоже саво. Я не говорил: не надо учиться.

— Наконец ты со мной согласился! — обрадовалась Светлана Ивановна и решила ковать железо, пока горячо. — Ну теперь-то ты приведешь детей в интернат? И кормить, и поить, и одевать их бесплатно будут.

Яунгат сделал вид, что он принимает важное решение. Пауза затянулась минуты на три. Светлана Ивановна напряженно ждала, глядя на невозмутимое лицо старого ненца. Наконец Яунгат глубоко вздохнул и поднял на учительницу свои узкие, хитроватые глаза:

— Однако подумать надо...

Светлана Ивановна вздохнула.

— Трудный ты все-таки человек, Теван, — сказала она. — И когда мы тебя перевоспитаем!

2

В тот же день на квартиру к учительнице пришла рассильная райкома тетя Лида и передала, что секретарь просит ее зайти к нему. Светлана Ивановна надела малицу в пурпурной матерчатой сорочке, подпоясалась, потуже затянула шнурок у подбородка, чтобы капюшон плотнее прилегал к лицу, и побежала через все село в райком.

Было шесть часов дня, и на небе появились звезды. В морозном тумане, сгустившемся над оледенелой, остывающей землей, фонари на столбах тоже казались звездами, только более крупными и желтыми, чем настоящие. Иногда из темноты на светлое пятно под фонарем вырывалась собачья упряжка и тотчас скрывалась, таяла в морозной мгле, но еще долго слышался в тишине резкий скрип полозьев.

Вот и райком.

Светлана Ивановна оставила на вешалке малицу, поправила короткие волосы, одернула платье и постучала ладонью плашмя в обитую клеенкой дверь.

— Конечно, можно, — услышала она знакомый голос.

— Здравствуйте, Федор Васильевич. Вы меня звали?

— Да, я просил вас заглянуть ко мне, Светлана Ивановна... Добрый день!

Секретарь, начавший сидеть, плотный, собравшийся человек, работавший в этом районе много лет, жестом показал ей на диван и сам сел рядом.

— Я потревожил вас, Светлана Ивановна, вот для чего... У вас сегодня был Яунгат?

— Так это вы его, оказывается, прислали?! А я-то гадаю, чего ему вздумалось мне визит нанести... Был, Федор Васильевич.

— Поговорили?

— Поговорили, — усмехнулась учительница. — Я ему про Фому, он мне про Ерему. Для ненцев школа, видите ли, войва. Девочки чума будут бояться. Мальчики песца ловить разучатся.

— Да, упрямый старик... — Секретарь задумался. — А между нами говоря, он все-таки во многом прав. Считая с нулевым классом, дети проводят у нас в школе одиннадцать лет и за это время основательно отрываются от жизни своих отцов. Посудите сами, охотиться мы их не учим, оленей пасти не учим, чум ставить не учим... А ведь без этого как жить в тундре? Постепенно все забывается...

— Да, конечно, забывается, — согласилась Светлана Ивановна.

— Я вот по себе сужу. Недавно поехал в родные края, на север Ямала, и попал, что говорится, с корабля на бал — на праздник оленеводов. Были, как полагается, оленьи гонки, борьба, из лука стреляли, а потом пригнали стадо и начались состязания, кто ловчей накинёт тынзян на бегущего оленя... Вам не доводилось видеть, как это делается? Советую посмотреть, очень любопытно... Мороз... Облако пара стоит над мчащимся по кругу стадом. Все молчат, только слышен шелест от тысяч бегущих ног. — Секретарь оживился, вспоминая, как было дело. — И вот выходит на середину круга какой-либо удалец. Весь внимание, весь собран, как пружина, ведь аркан, заметьте, надо набросить не на первого попавшегося оленя, а на какого-то одного, что с меткой. Вот он ближе, ближе... Сильный замах рукой, рывок — и тынзян со свистом падает на рога... Особенно хорошо у одной девочки получалось: что ни бросок — удача! А она раскраснелась, зарделась от гордости. И вдруг гляжу, ко мне подходит и подает тынзян. Мол, так и так, не желает ли секретарь посоревноваться, вспомнить молодость. Делать нечего, выхожу на круг... Ну, и что вы думаете, осрамился! Только с четвертой попытки накиннул. А ведь в молодые годы считался первым в этом деле... А потом все забылось... Поехал в Ленинград учиться, оттуда на войну, на фронт, потом райком. Работы невпроворот. Стало как-то не до тынзяна, на охоту, и то соберешься раз в год.

Секретарь встал и прошелся взад-вперед по своему маленькому, тесному кабинету.

— Вот так... Я вам не наскучил? — Он обернулся к Светлане Ивановне.

— Что вы, Федор Васильевич! Я так люблю слушать о ваших местах... И край ваш полюбила...

— Ваш? — удивленно переспросил секретарь.

— Простите, наш, — смутилась учительница.

— То-то ж, — добродушно улыбнулся Федор Васильевич, сощуривая и без того узкие глаза. — Кстати, ловлю вас на слове. Раз сами признались, что полюбили наш край, давайте докажем эту любовь делом. Согласны?

— Пожалуйста, — не очень решительно ответила учительница.

— С чего бы начать? В общем, Светлана Ивановна, есть у меня к вам большая просьба... Последнее время я много думал, как в наших труднейших, специфических условиях Заполярья, в тундре, лучше осуществить последние решения правительства о школе. И пришло, Светлана Ивановна, мне в голову вот что...

3

Неделю спустя рано утром возле школы остановилось несколько нарт. Поначалу олени лениво побили передними ногами твердый, слежавшийся снег, но, убедившись, что под ним корма нет, успокоились и понуро опу-

стили головы, выставив вперед рога, напоминающие обглоданные ветки дерева.

Поселок еще спал, но окна в интернате ярко светились. За ними мельтешили силуэты ребят и взрослых. То и дело скрипела входная дверь, вырывался клуб пара, из здания во двор выносили какие-то пожитки. На грузовые нарты — вандеи — с мелкими открытыми ящиками на полозьях укладывали тюки с постелями, коротконогие «чумовые» столики, классную доску, мешки с продуктами, длинные шесты и нюги — полотнища из оленьих шкур.

Четвертый класс отправлялся на новое место жительства, в тундру, чтобы там продолжать занятия.

Светлана Ивановна и секретарь райкома стояли поодаль. Погрузка приближалась к концу.

— Главное, Светлана Ивановна, не волнуйтесь, — сказал секретарь, — все будет отлично, уверяю вас. Вот приедете на место, наладите жизнь, и все ваши страхи растают, как дым в небе.

— Постараюсь, Федор Васильевич. Только дым в морозном небе тает плохо.

— Вы не бойтесь, Светлана Ивановна, мы вас научим, — с серьезным видом заявил Ваня Худи, самый маленький мальчик в классе. Он стоял рядом и, запрокинув голову, смотрел на учительницу раскосыми блестящими глазенками. — И чум ставить научим и сырое мясо кушать...

— Ах ты, мой карапуз хороший! — рассмеялась Светлана Ивановна и ласково потрепала Ваню за черный чуб. — Значит, и сырое мясо есть научишь?

— Само собой.

— А я капкан на песца научу ставить! — объявила курноса Маша с двумя черными пуговичками вместо глаз.

— А я из лука стрелять! — сказал Толя Око-тетто.

— Видите, Светлана Ивановна, сколько у вас помощников, — улыбнулся секретарь. — Ну и, конечно, Петр Петрович Тояров, — он кивнул в сторону человека, хлопотавшего возле первой упряжки, — тундровик, следопыт, людей великолепно знает. Признаться, я его отпускаю из райкома с большой неохотой.

Тояров работал в райкоме инструктором. Это был черноволосый, круглолицый, худощавый мужчина лет под тридцать, с веселыми глазами, сощуренными не то в улыбку, не то в усмешку, припадающий на правую ногу, раненную еще в детстве во время схватки с медведем.

Каюров не брали, ребята заверили, что с оленями управятся сами и с дороги не сойдутся: она приметная, почти все время по льду реки в глущь Малого Ямала. Секретарь одобрил это: пускай привыкают.

— У меня все готово, Федор Васильевич, — доложил Тояров.

— Тогда не теряйте времени. — Секретарь пожал руки учительнице и Тоярову. — До свидания, ребята! Учитесь хорошо! — крикнул он.

— До свидания! — вразброд ответили четырнадцать голосов.

Упряжки одна за другой выезжали из ворот школы. Ученики с гиканьем бросались на нарты на ходу. Светлана Ивановна, напротив, осторожно уселась рядом с Петром Петровичем: она до сих пор не привыкла к этим неудобным маленьким санкам. Тояров тронул хореом вожжа, сказал «Кыш-кыш!» — и олени рванули с места. В морозном воздухе громко закричали полозья.

Сидя на узенькой легкой нарте, Светлана Ивановна вспомнила, как полтора года назад, сразу же после окончания педучилища, впервые в жизни ехала она по тундре на оленях, как вываливалась на снег, пугалась, что сидящий впереди возница не заметит ее исчезновения и она останется одна в тундре, среди джекклондовского белого безмолвия. Но возница все слышал, он тотчас заворачивал упряжку и, сделав лихой круг, подъезжал к ней, беспомощно барахтавшейся в своих бесконечных одеждах, и, раскатило хохоча, помогал встать и примоститься снова на нартах. Ехать пришлось долго. Она устала, оконечела от непривычного, нестерпимого холода, отморозила щеку и в отчаянии остервенело терла ее рукавицей.

Возница остановился у школы, отвязал от нарты ее рюкзачок и долго стучал, пока услышала глухая сторожиха. Светлана Ивановна вошла в пустую, холодную комнату, предназначенную ей, и, пока сторожиха растапливала плиту, села на рюкзак и расплакалась от жалости к себе, к своим молодым годам, которые приходится проводить в такой дали.

— И-и, мила-ая! — протянула сторожиха. — Чаво тебе плакать-то? В избу приезжаешь, в тепло приезжаешь... Вот мы годов двадцать пять тому назад приезжали сюда, так, милая, туточки ни кола, ни двора не было. Одно болото... И ничаво — выжили...

Так получилось, что среди года ей пришлось взять третий класс, оставшийся без учителя, который заболел и уехал на юг. Она быстро освоилась, привыкла к школе, к маленькому деревянному поселку на берегу безбрежной Обской губы, привязалась к ученикам. На летние каникулы Светлана Ивановна никуда не поехала: слишком необычным, интересным показалось ей заполярное лето с его незакатым солнцем, с цветущей, пряно пахнущей багульником тундрой и высоким, прозрачным, бледным небом, от которого она подолгу не могла оторвать глаз.

Секретарь райкома предложил ей поехать по рыболовным участкам с агитбригадой, и Светлана Ивановна охотно согласилась. Там она впервые и встретила Яунгата, рыбачившего вместе со старшим сыном, Саворко. Малыш был очень важен, во всем подражал взрослому и, сидя у дымокура, — его разводили, чтобы отогнать комаров, — небрежно потягивал папиросу. Они подружились. Когда пришла пора уезжать, Светлана Ивановна подарила Саворко на прощание книжку сказок.

— А я читать не умею, — беззаботно сообщил мальчик.

— Вот те и на! — удивилась учительница. — Чему же тебя в школе учат?

— А я и в школе не учусь.

Тогда-то и состоялся первый серьезный разговор Светланы Ивановны с отцом Саворко. Яунгат поддакивал учительнице, согласно кивал головой, сказал: «Однако надо подумать», — а наутро увез сына к матери в тундру.

А потом опять поселок на берегу губы, школа, четвертый класс — четырнадцать черноволосых, смуглых, похожих друг на друга малышей с двумя точками вместо глаз на улыбающихся лицах.

И вот эти четырнадцать едут «на практику» в тундру: ловить песцов, охотиться на куропаток и ондатру, «кружить тропу» вокруг оленьего стада. Если опыт удастся, примеру последуют другие классы. Значит, надо, чтобы он удался.

...Олени бежали хорошей, ровной рысью. Рассвело часа на три, потом снова наступили сумерки, быстро перешедшие в ночь, а Светлана Ивановна все думала и думала о своем. Мало ли что придет в голову, когда в небе полыхают таинственные сполохи, а вокруг на сотни километров расстилается безлюдная заснеженная равнина, без конца и края!..

Бригада оленеводческого колхоза, куда ехали ученики, стояла километрах в трехстах от районного центра, и дорога вместе с ночевкой в заезжей избе заняла почти двое суток. Рано утром на поляне, окруженной редким лиственничным леском, показалось стойбище оленеводов — два чума, возвышавшиеся на пологом холме. На фоне темного, усыпанного звездами неба их остроконечные вершины с вырывающимися вверх столбами багрового дыма напоминали кратеры вулканов.

Несмотря на ранний час, из чумов высыпали люди.

— Ха! Сколько гостей, однако! — сказал

бригадир стада, и в его голосе послышались недовольные нотки.

— Не ожидал разве? — весело спросил Тояров. — Или соседи не по вкусу пришлишь, Василь Михайлович? Не прогонишь?

— Зачем прогонять? Места в тундре много, — уклончиво ответил бригадир. — Только одного я в толк не возьму: зачем из поселка уехали? От хорошего хозяина собака не убежит.

— Ладно, Василь Михайлович, поживешь — увидишь... А ну-ка, ребята, — крикнул Тояров, — решайте, что сейчас будем делать: или попросимся ночевать в чужие чумы, или свой дом построим?

— Свой дом построим! — хором ответили ученики.

— А не устали?

— Не устали, Петр Петрович!

— Тогда за работу! Каковы орлы!.. — подмигнул он бригадире.

— С непойманного песца шкуру рано снимать, — буркнул тот.

Несколько дней назад бригадир получил записку от секретаря райкома. Федор Васильевич писал, что в скорости на их стойбище придет четвертый класс поселковой школы и пробудет там до конца учебного года. Прочитав письмо, бригадир развел руками. «Вот еще выдумали! Только мешать будут».

Дети работали с увлечением. Кто распаковывал нарты, кто устанавливал остов чума, кто рубил сушник — всем нашлось дело. Поминутно слышался голос Тоярова, подбадрившего ребят.

Часа через три рядом с двумя чумами оленеводов вырос третий, и его верхушка тоже осветилась багровым пламенем, вырвавшимся из железной трубы.

После долгой дороги и работы ребята заснули мгновенно.

Наутро пришли первые гости — два древних старика. Вместе с ними явились две любопытные собаки-лайки; забравшись в незнакомый чум, они как ни в чем не бывало устроились возле печки, вытянув к огню свои длинные, острые морды.

Ребята еще спали, но это нисколько не смутило ранних посетителей.

Тояров молча подошел к старикам, маленький столик и налил чаю. Гости уселись на корточках и дружно принялись истреблять лежащее на столе съестное, попутно обсуждая увиденные новшества. Больше всего их поразила сама чума, не обычный, а просторный, с маленькими окошками, которых отродясь не было в чумах. Непривычно выглядели белые простыни, постеленные на оленьи шкуры, и пододеяльники, надетые на овчины. В ногах у малышей лежали форменные платица или гимнастерки, а поверх них красные галстуки.

На следующее утро старики появились снова. На этот раз они дождались, пока ребята встали, умылись и вдруг, выбежав из чума, начали вслед за молодой русской учительницей смешно махать руками и ногами, кланяться в разные стороны, топтаться на месте и бегать. Все это настолько рассмешило стариков, что они долго не могли прийти в себя от хохота. Потом вместе со всеми они первый раз в жизни ели манную кашу.

Между тем жизнь постепенно налаживалась. Каждое утро дети раскладывали на маленьких столиках книжки и тетрадки — начинались уроки, а после обеда готовили домашние задания, стреляли в цель из лука, ходили на лыжах. Светлана Ивановна тоже мало-помалу привыкала к новой обстановке. Пора было начинать задуманное дело.

И вот наступил день, когда Тояров как бы невзначай спросил у Светланы Ивановны:

— Кто сегодня получил у нас пятерки и четверки?

Учительница назвала семь имен.

— Так вот, эти семеро сейчас берут ружья и идут со мной на охоту. Не возражаете, Светлана Ивановна?

— А мы? А мы как? — закричали остальные.

— Вы? — Тояров хитровато улыбнулся. — Вам еще придется подучить уроки, чтобы завтра получить хорошие отметки. Получите — пойдете на охоту, не получите — останетесь сидеть дома.

Семь счастливых вернулись в чум вечером раскрасневшиеся, возбужденные и торжественно положили к ногам Светланы Ивановны зайца и шесть полярных куропаток. Правда, зайца и трех птиц застрелил Тояров, но кому придет в голову вспомнить о том, что было три часа назад!

На следующий день в тундру пошли девять человек. С тех пор на уроке каждый требовал у Светланы Ивановны, чтобы она его обязательно спросила. Не только двойка, тройка переживалась со слезами и расценивалась как самое тяжелое наказание. Через неделю пятерки и четверки получили одиннадцать детей.

В тот вечер в капкан маленького Вани Худи попался первый песец. Надо было видеть, как важно и независимо нес молодой охотник свою первую добычу! Правда, капкан ставил не Ваня, а Петр Петрович, но тот сказал, что мальчик, без сомнения, мог бы сделать это ничуть не хуже, а потому песец принадлежит целиком ему, Ване Худи.

Дольше всего не везло Толе Окотетто, обещавшему научить Светлану Ивановну стрелять из лука. Не то чтобы он не умел пользоваться своим оружием. Лук величиной с себя Толя привез в тундру и мечтал пойти с ним на соболей или белок. У него были и стрелы с тупым костяным наконечником: попав зверьку в голову, они не портили драгоценную шкуру. Но беда в том, что Толя отвечал только на тройку, а Тояров был неумолим.

Наконец настал день, когда Толя остался в одиночестве. Сначала он плакал, потом, решив, что это не пристало мужчине, вытер слезы и засел за уроки. Весь вечер Светлана Ивановна диктовала ему и заставляла по несколько раз переписывать задание.

На следующий день учительница спросила всех в классе и никому не поставила тройки.

— Вот теперь и я могу пойти с вами, — сказала Светлана Ивановна.

Правда, и раньше Тояров предлагал ей отправиться с ребятами, но она отказывалась:

— А кто будет заниматься с отстающими?

Тояров попросил у бригадира семь упряжек, чтобы поехать километров за пятьдесят, где, по словам пастухов, водилось много песца.

Двинулись ночью. В белесом, усыпанном мерцающими холодными звездами небе висела круглая луна. В ее ярком неверном свете четкие черные тени на снегу, отбрасываемые лиственницами, напоминали обрубки бревен. Да и весь лес был настолько изрезан, так мало деревьев оставила природа на этой бесплодной, промерзшей на десятки метров земле, что казалось, будто вокруг не лес, а поруб — все ценное уже спилено, свезено, а то, что растет вокруг, просто брошено за ненадобностью как напоминание о том, что тут когда-то возвышался могучий бор. Только лиственницы удержались, выжили на этой стуже, на этой мерзлой почве, превращающейся летом в гиблое болото, дрожащее под ногами, как студень.

В одиннадцатом часу дня начало светать, и

снег вокруг окрасился розовым отблеском восхода.

«Хорошо здесь!» — подумала Светлана Иванова.

Она выросла в Москве, в сутолоке огромного города, и оттого ее особенно остро поражала тундра, ее величественное безмолвие, поражала сама мысль, что порой можно ехать день, два, неделю и не встретить ни одного человека, не увидеть дымка в небе.

Упряжкой правил Толя Окодетто. Она слушала, как уверенно покрикивал он на оленей и «шуровал» то одного, то другого своим хореем, казавшимся особенно длинным в руках малыша.

— Хотите, я вас побегу научу читать? Или переступь? — задорно спросил десятилетний возница, разглядевший впереди неясную цепочку следов.

— Конечно, хочу! — ответила Светлана Иванова. Побегкой на севере называют след маленького зверька, переступами — большого.

Как заправский канюр, Толя круто завернул упряжку и, сделав круг, остановился. За ним последовали и другие. Узнав, в чем дело, ребята оживились. Еще бы, из учительницы Светлана Иванова вдруг превратилась в большую и смешную ученицу, совсем не разбирающуюся в письменах, оставленных зверьками на снегу, не умеющую найти гнездо куропатки и видевшую живого волка только в зоологическом саду, и то три года назад!

— Светлана Иванова, угадайте, кто здесь прошел? — задорно спросил Толя.

Светлана Иванова долго вглядывалась в незнакомые отпечатки чьих-то мягких подушечек с коготками, напряженно думала и наконец сказала:

— Может быть, песец?

В ответ раздался дружный смех.

— А вот смеяться и не надо, — сказал Тояров, — объяснить надо.

— Разве песец так бежит? — назидательно заметил Толя, довольный поражением учительницы. — Лисичка пробежала! Правда, Петр Петрович? — потребовал он подтверждения у Тоярова.

Иногда из реденьких кустиков с шумом вылетали стайки полярных куропаток, настолько белых, что если бы не тень от раскрытых крыльев, проносившаяся по снегу, птиц нелегко было бы и заметить. Мальчики тотчас же вскидывали ружья, стреляли, а потом азартно спорили, кому принадлежит добыча.

А вскоре дети напали на другие следы, которые их сразу же заинтересовали. Две узенькие полоски, оставленные полозьями нарт, как две змейки, убегали вдаль. Каким же ветром занесло сюда человека?

Петр Петрович молча склонился над следом, прошел по нему несколько шагов, потом вернулся.

— Проезжал охотник сегодня утром, — сказал он. — Торопился. За песцом гнался. Тут остановился. Стрелял. Не попал. Дальше поехал.

— Откуда вы все это знаете? — удивилась Светлана Иванова.

Тояров рассмеялся:

— Смотрю и вижу...

— Давайте нагоним его, — предложила учительница.

— Давайте, Петр Петрович! — затараторили ребята.

— Зачем, он сам нас найдет. Выстрелы слышал. Ненцы — народ любопытный.

Петр Петрович оказался прав. Не прошло и получаса с тех пор, когда дети развели на по-

лянке костер, как послышался собачий лай, скрип нарт и из-за кустов показалась четверка оленей. В фигуре охотника, сидевшего на нартах, Светлане Ивановне почудилось что-то знакомое.

— Ан торово! — сказал приезжий, втыкая в снег хорей. — Хотел сам костер делать, однако, смотрю, рядом дым в небо полетел. Зачем, думаю, спички тратить? Поеду в гости погреться.

— Да, никак, Теван! — удивилась Светлана Иванова.

— А я тебя сразу узнал. И тебя, Тояров, тоже узнал, — ответил Яунгат.

Он отвязал от нарт уже знакомый мешок, вынул оттуда трех белоснежных песцов, твердых, как камень, извлек со дна эмалированную кружку, сухари, плитку чая, горсть сахара и большой кусок розового, с белыми прожилками сырого мяса.

— Саво! — сказал он, причмокивая языком от предвкушаемого удовольствия. — Кушать надо. Совсем проголодался.

Он вытащил из-за пояса большой охотничий нож, поднес мясо ко рту и ловко отрезал от куска тонкую стружку, которую сразу же поймал жадными губами. Рядом, подняв вверх узкую морду и облизываясь, сидела собака, ожидая, пока ей что-нибудь перепадет. Иногда она отрывисто лаяла «теф-теф», за что Яунгат и прозвал ее Тефкой.

Дети тем временем тоже развязали свои мешочки, вынимая оттуда разную снедь. Охотник с интересом следил за ними.

— Откуда столько мальчиков и девочек? — спросил он, хитро поглядывая то на Светлану Ивановну, то на Тоярова. — Я был в поселке, еще холостой ходила. А? — И он разительно засмеялся, довольный собственной шуткой.

— Зачем зря языком болтаешь? — добродушно сказал Тояров. — Лучше б рассказал, как песцов ловил. Нас вон сколько — ни одного не поймали, ты один трех поймал!

Похвала пришлась старику по душе.

— Яунгат — самый лучший в колхозе охотник. Больше Яунгата никто шкур не сдает, — без лишней скромности объявил он.

— Вот и поучи детей охотиться, — попросил Тояров.

Остаток дня Яунгат провел с учениками. Он

с удовольствием вошел в роль учителя, держался очень важно и принимал как должное внимание и почет, которыми его окружили ребята. Возвращаясь домой он раздумал и решил, что ничего не случится, если он погостит в чуме несколько дней.

Утром, позавтракав вместе с детьми, Яунгат с важностью уселся на почетном месте возле печки и прослушал все четыре урока. Светлана Иванова старалась заинтересовать нежданного гостя.

Особенно понравился Яунгату урок географии. Учительница рассказывала о жарких странах, где никогда не бывает зимы. Это показалось гостю настолько невероятным, что он сначала принял услышанное за шутку и весело рассмеялся. Пришлось взять в свидетели учебник. Маленький Коля, обиженный тем, что старик усомнился в словах учительницы, прочитал о том же самом из книжки.

— Хо! — воскликнул Яунгат. — А ну-ка прочитай ты. — Он ткнул пальцем в девочку, сидевшую рядом с Колей.

Девочка выполнила его просьбу, и Яунгата поразило полное совпадение того, что сказали оба ученика. Он заставил читать отрывок еще нескольких человек, и все они повторяли одно и то же. Тогда Яунгат решил, что так много людей не могут говорить неправду.

— Однако и верно есть места, где снегу никогда не бывает, — согласился он наконец.

На третий день Яунгат неожиданно исчез из чума. Сначала думали, что он поехал проверять капканы, но наступила ночь, минул день, а старик не появлялся. Ребята решили, что ему наскучило сидеть на уроках и он сбежал.

Прошли две недели. Заканчивался третий урок, когда раздался звон колокольчика, визг дерущихся лаек, и возле чума, скрипя полозьями, остановилась чья-то нарта. Дети прислушались. И вдруг послышалось знакомое: «Теф-теф!»

— Яунгат вернулся! Яунгат! — зашептали друг другу ученики.

Светлана Иванова строго взглянула на них, но продолжать урок ей так и не пришлось. Входная пола юнга приоткрылась, и в чум вошли трое малышей, один меньше другого, а за ними Яунгат.

— Ан торово! — сказал он несмело.

— Здравствуй, Теван! — ответила учительница, не сводя глаз с закутанных в меховые одежды ребят.

Ученики повскакали с мест и окружили вошедших.

— Вот, — промолвил Яунгат, нерешительно переминаясь с ноги на ногу и подталкивая вперед старшего паренька. — Это Саворко.

— Саворко! — воскликнула Светлана Иванова. — Да мы уже немножко знакомы. Меня помнишь? — обратилась она к мальчику.

— Как не помнить! — по-взрослому ответил тот.

— А это Дуся будет, — продолжал Яунгат, выставляя девочку в нарядной ягушке.

— Здравствуй, Дуся! — Светлана Иванова протянула ей руку.

Девочка молчала.

— Она по-русскому шибко мало знает, — заступился за девочку отец.

— Вот оно что! Ну, ничего, научится... А это, выходит, Степа? — Светлана Иванова показала на третьего малыша с отцовским ружьем за спиной.

— Он самый, — подтвердил Яунгат.

Степа испуганно озирался по сторонам, смотрел исподлобья, но, заметив, что кругом все улыбаются, улыбнулся тоже.

— О, да он у тебя охотник! — похвалила Светлана Иванова. — Что ж, раздвайтесь, гости... У нас тепло.

— Мы, однако, не в гости приехали, — поправил ее Яунгат. — Ребята в школу приехали... Совсем приехали.

— Вот и хорошо! — стараясь не показать радости, ответила Светлана Иванова. — Хотя... Постой, постой! — Она хитро взглянула на Яунгата. — Ты ж говорил, что школа только для русских саво... Так?

— Однако я тогда мало-мало ошибся, — ничуть не смутился Яунгат. — Для ненецких детей школа тоже саво.

Учительница и Тояров весело переглянулись.

— Вот мы тебя и перевоспитали, — улыбнулась Светлана Иванова.

ВETERАНЫ

Из поэмы «Сердце бойца»

Игорь КОБЗЕВ

Тесовый стол. Фамильные деревья.
Ворота с покосившимся коньком.
Бурлит в тазу вишневое варенье,
И пахнет детством, речкой и дымком...

Я снова ото всех своих тревог,
От громких споров, от любви, от грусти
Взял укатил в родимый городок,
В сиреневое наше «захолустье».

В льняных седилах, в бронзовых морщинах
Сидят деды. Усы белы, как плат.
А головы, как снежные вершины,
В литом закатном золоте горят.

И в разговорах их слова такие,
Что я любой деталью дорожу,
Как будто в государственном архиве
Важнейшие бумаги ворошу...

А старики заводят меж собою...
— Мое почтение!
— Будь здоров, годок!
— Постой, а нешто мы годки с тобою?
Пожалуй, я постарее чуток.

— Чай, вместе нас в германскую «забрили»?
— Ан нет, меня пораньше «замели»...
И вот пошло

о том, как жили-были,
Как в битвах исходили полземли.

Мне нравится под яблоней тяжелой
Сидеть вот так в гостях у тишины
И, словно бы заправский археолог,
Раскапывать курганы старины...

На всех далеких, пожелтелых снимках
Лицо отца — такое ж, как мое,
И мнится мне, что сам я невидимкой
Прошел сквозь дым пожаров и боев.
...Ночная станция.

Тревожный бас команды.

Дает свисток последний эшелон.
И авангардом мамонтовской банды
Въезжает в город пьяный эскадрон.

Разбиты лавки, склады, «заведенья».
К ним чьи-то тени тянутся тайком
И посыпают шаткие ступени,
Как изморозью, сахарным песком.

Уже соседка шепотком нечистым,
Не прямо, а стараясь намеркнуть,
К отцову дому, к дому коммуниста,
Карателям подсказывает путь.

Уже в проулке цокают подковы.
А в доме тишь, пахучий блеск лампад.
Отец сквозь сон бормочет:
— Мама, что вы?
— Вставай, сынок! Слышь, галки-то галдят.

Отец в ночи умчал на паровозе.
А кроткая его седа мать
Под дулами, под пыткой, на допросе
Сумела все, что знала, не сказать!

Пусть говорят: нет прав происхождения.
Но я-то знаю: это кровь отца
С горячею Зарей Освобожденья
Мою судьбу связала до конца.

Я был с ним рядом и в боях бессонных
И в миг обиды, горечи и зла,
Когда услышал он,

что тетка Домна
С разбитых складов мед приволокла...

Отец, увидев тот «паек» бесплатный,
Аж побелел. За маузер рукой.
— Сейчас же, слышишь, отнеси обратно!
Та в слезы:
— Глянь, сознательный какой!

— Сознательный. Тащи назад. И точка.
Пошла, ворча:
— Никто ведь не видал.

Ну, что ж, снесу...
(Однако квас из бочки
Потом всю зиму медом отдавал).

В те дни на нашей станции стояли
Вагоны с пыльным царским барахлом.
Их строго часовые охраняли,
Слепя глаза отточенным штыком.

Закон был крут. Мне хорошо знакомы,
Кто в эти годы судьбами вершил,
Бойцы ревтрибуналов и ревкомов,
Прямые люди рыцарской души.

Теперь отец — уже внештатный лектор,
Но все, как прежде (хоть совсем седой),
Листает Маркса, роется в конспектах,
И сердцем он такой же молодой.

Он все события принимает с жаром:
Ему, как праздник, семилетний план,
И каждая ракета, как подарок,
И каждая газета, как роман.

И он берется за любое дело
С горячим, большевистским огоньком
И говорит: «Мне Партия велела!» —
Как будто лично с Партией знаком!

Мне доводилось знать пустых и пресных
Людей, остывших в молодые дни;
Им в жизни уж ничто не интересно,
Уже «разочарованы» они...

А эти — нет! Я просто удивляюсь,
Какою силой нужно обладать,
Чтоб целый век, усталости не зная,
Сражаться, строить, спорить, побеждать!

Их жизнь была легендой и песней,
Их озаряли жаркие огни.
А нынче горит одна большая цель,
Благополучно дожили они...

Но что им пенсии? Им песни петь охота.
Им нужен сладкий ежедневный труд,
Поскольку без борьбы и без работы
Они, пожалуй, дня не проживут.

И в их беседах — тысячи вопросов:
Тут и Берлин, и наш китайский брат,
Тут и вождение электровозов,
И труд коммунистических бригад...

У них и нынче — как тогда, у юных,—
В душе горит одна большая цель,
И заревые отсветы Коммуны
У каждого пылают на лице.

...И я б хотел
На стройках и в походах,
В огне упорных трудовых атак,
Жить, как они, весь век служа Народу,
Отчизне, Партии, России.
Только так!

МОЕ СЕРДЦЕ ВМЕСТЕ С ВАМИ

ПИСЬМО СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ

Альберт КАН

Дорогие советские друзья!
Год назад, стоя в первый раз в жизни на Красной площади, я следил за демонстрацией в честь 41-й годовщины Великой Октябрьской революции. Память о виденном не потускнела от времени. Мне стоит только закрыть глаза, и я вижу людские реки, вливающиеся на площадь, множество зрителей у подножия увенчанных башнями стен Кремля, голубей, мелькающих среди алых знамен и поднимающихся к прекрасным куполам Василия Блаженного, и людей — мужчин, женщин, молодежь, — которые мощным потоком текут мимо Мавзолея Ленина; в их рядах празднично пестрели цветы и флаги; дети были подняты на плечи; руки приветливо махали гостям, приехавшим из многих стран, чтобы разделить с советским человеком честь и радость празднования годовщины великого дня истории... Далено за полночь люди не уходили с улиц, прожекторы рассекали ночное небо, и Москва звучала песнями; и мое сердце все это время пело вместе с вами, как оно поет сейчас, присоединяясь к великому празднику.

Из бесконечного множества незабываемых впечатлений одно сохраняется в памяти с особой живостью. Оно заключается в том, что, несмотря на огромные и бесчисленные изменения в вашей стране с ноября 1917-го, одна вещь осталась точно такой же, какой она была в те потрясенные мир дни, когда пролетариат штурмовал Зимний дворец и Ленин в Смольном сказал делегатам съезда Советов: «Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму». То, что кажется мне неизменным, — это дух революции; я чувствовал, что он

остается таким же молодым, как всегда; у меня было чувство, словно революция произошла только вчера, а не четыре долгих десятилетия назад. Революционный дух не только не утратил своей силы и страсти, но стал еще мощнее и шире, приобрел новую энергию и устремляется вперед, к завоеванию все новых горизонтов.

Жизненность вашей революции имеет своими корнями не только освобожденную от всех пут энергию народа в вашей стране, но и тот факт, что ваш неустанный прогресс — это составная часть движения вперед всего человечества. Слова «братство людей», которые вписаны в ваши сердца, свидетельствуют о том, что вы едины со всем человечеством в стремлении создать наконец теперь, после веков страданий и угнетения, жизнь для человека, полную смысла и радости. Снова и снова я видел в Советском Союзе свидетельство вашего схождения с людьми всех стран, вашей солидарности с их непрекращающейся борьбой, вашей искренней гордости за их героические победы. Я видел, как учат ваших детей любить людей всех цветов кожи и всех национальностей; и я знаю, что призы к миру, написанные на ваших знаменах и плакатах, повешенных на стены фабрик и заводов,

продиктованы любовью не только к вашим детям, но и к детям всей земли. Люди всего мира черпают новые и новые силы в ваших великих достижениях, и вы получаете новую силу от их побед.

Разве было раньше такое время в истории, когда человек двигался вперед такими темпами? С быстротой молнии приближается к нам будущее. Подумайте о событиях, происшедших за тот год, который прошел со времени последней годовщины Октября. Зашагал по годам ваш семилетний план, несся с собой улучшение жизни десяткам миллионов человеческих существ и меняя самое природу мира. Ваши ракеты достигли Луны, утверждая в небесах мастерство человека, который переделывает Землю. Ваш премьер, внося огромный вклад в дело мира и дружбы, совершил историческую поездку по Соединенным Штатам как гость нашего президента.

Какой век может похвастаться такими гордыми свершениями? Вы были первыми, которые проложили путь в этот гордый век и не сбивались с этого пути, идя на жертвы и увлеченные гигантским трудом, не испугавшись войны и голода, всегда руководимые благородным идеалом человеческого счастья.

Возвращаясь домой из Совет-

ского Союза год назад, я писал, что буду бесконечно рад снова быть вместе со своей женой и тремя сыновьями, но что мне будет не хватать страны и народа, который я оставил позади. И это чувство осталось. Не было дня, чтобы я не думал о вас и о несказанном богатстве жизни, которым вы поделились со мной. Нужно ли говорить вам о том, что я люблю мою страну, ее огромные просторы, на которых раскинулись долины, высятся горы, текут реки, ее многолюдные города и плодородные фермы, ее исторические принципы свободы и равенства, ее независимый и открытый народ? Побывав у вас, я впервые оказался в обществе, основанном на любви к человеку, в обществе, где эксплуатация человека была наконец и навсегда уничтожена и где все открыто для творческой силы человека. Поэтому я извещал самое огромное счастье, которого никогда не знал раньше; поэтому я жажду прихода того дня, когда мои руки встретятся в пожати с вашими и я снова буду бродить по улицам ваших городов.

Дорогие друзья, полвека назад Джек Лондон предсказывал, что «приближается время, когда люди построят на земле новое здание для человечества, в котором все комнаты будут светлы и полны воздуха, и этот воздух, которым будут дышать люди, станет чистым, благородным и животворящим». Из нашего дома в калифорнийской Лунной долине, там, где Джек Лондон написал эти слова, я и моя семья шлем вам искренние поздравления с годовщиной того дня, когда вы заложили фундамент этого нового здания для человечества!

КЕНЕШ-

Фото А. Узляна.

Лишь поздним вечером становится наконец тихо в правлении киргизского колхоза «Кенеш». Расходятся люди. Умолкает телефон. Слышно, как за окнами шумит ветер, осторожно перебирая густую еще листву огромных карагачей, да шуршат по асфальту машины.

Эти вечерние тихие часы у Изака Кочкорбаева самые любимые. Никто не мешает старину, члену правления колхоза, думать о будущем, вспоминать прошлое... Кажется, что еще вчера он был безграмотным чабаном. И что еще совсем недавно Изака и его друзья, коммунисты, организовывали колхозы, поднимая людей на невиданные дела, которые можно сравнить разве с подвигами легендарных батыров, сдвигавших белоснежные вершины Ала-тау...

Впрочем, это так только в песнях поется, когда зазвенит в умелых руках трехструнный номуз и в лад ему начнут вторить молодые голоса колхозных певцов... В жизни все было проще. И трудней!.. Начинали-то почти на пустом месте. А сейчас колхоз — многократный миллионер.

К чабанам приехала бригада художественной самодеятельности.

Член правления колхоза Герой Социалистического Труда Изака Кочкорбаев.

Отары перекочевывают на зимние пастбища.

В урочище Иссык-Ата сел вертолет. Геологи — соседи чабанов колхоза в горах Алатау.

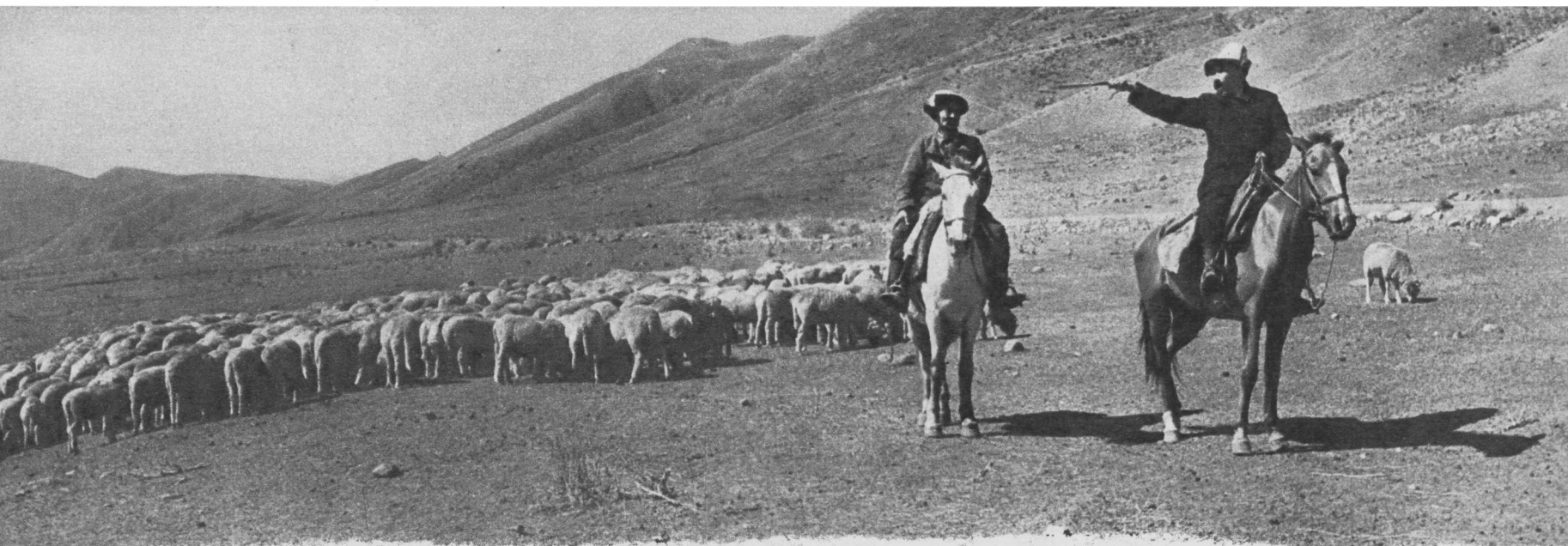
СОВЕТ

Механизация процессов труда — это, конечно, было главное, чего добились общими усилиями колхозники «Кенеша», когда построили плотину на реке Чу и пустили в ход свою ГЭС. Но разве меньше значили в жизни людей электрический свет во всех домах, свой, постоянно работающий кинотеатр, радиоузел?

Баня и парикмахерская, детские сады и ясли, родильный дом и водопровод — все это вошло в жизнь людей. А когда закончится — как раз к годовщине великого праздника! — строительство колхозного Дворца культуры, жизнь молодежи станет еще содержательнее, еще интереснее. Об этом неустанно заботится правление колхоза: и прежний председатель Изак Кочкорбаев и новый — энергичный руководитель Абдыкадыр Кармышев. Недаром юноши и девушки из «Кенеша», кончая школу-десятилетку в родном колхозе, не стремятся в город, а идут на фермы и в поля — чабанами, доярками, свекловодами... У них хорошее будущее. Ведь их отцы называли свой колхоз «Кенеш», что значит: Совет...

Н. ПАВЛОВА

Секретарь партийного комитета колхоза Мукат Аильчиев вручает вымпел чабану колхоза Сману Бологонову, — его отары хорошо подготовлены к перегону на зимние пастбища.

ЭТИ ДОКУМЕНТЫ — О ВОЖДЕ РЕВОЛЮЦИИ

В канун 42-й годовщины Великого Октября мы захотели узнать, чем пополнилась сокровищница ленинских документов.

Обо всем этом нам рассказали в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Прежде всего одна весьма интересная цифра: только за два года — прошлый и позапрошлый — было найдено 358 документов В. И. Ленина. Немало документов найдено и в этом году. Значительное количество поступлений уже обработано, изучено и подготовлено к опубликованию. И каждый листок — будь то наброски статьи, или телеграмма, или проект постановления, или совсем коротенькая записка — привлекает новые черточки к тому, что мы уже знаем о деятельности В. И. Ленина.

Часть материалов помещена в 36-й Ленинский сборник, который выходит в свет, остальные включаются в Полное собрание Сочинений В. И. Ленина.

Откуда же поступили эти ленинские документы?

Большинство их найдено в архивах Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны. Длительные, кропотливые усилия научных сотрудников, пересмотревших огромное количество архивных материалов, позволили обнаружить новые ценные документы. Несколько научных работников снова тщательным образом пересмотрели ленинскую библиотеку в Кремле — на это ушло около полутора лет. В результате найдено 27 книг и журналов с пометками Владимира Ильича, о которых до сих пор никто не знал. Эти пометки помогают еще глубже раскрыть методику и тщательность работы В. И. Ленина. Вот пример: работая над «Капиталом» К. Маркса, Владимир Ильич имел и русское и немецкое издания и проследил за правильностью перевода. Так, в первом томе русского издания к словам «прирожденного человеческого права» В. И. Ленин дает уточнение: «в подлиннике: «врожденных прав человека».

В настоящее время готовится к печати каталог ленинской библиотеки в Кремле, охватывающий около 9 тысяч томов.

Ряд новых ленинских документов получен из архивов О. Ю. Шмидта, М. Н. Покровского, А. К. Пайкеса, который был представителем молодой Советской республики в Китае.

Некоторые материалы проделали более длительный путь: они поступили к нам из Англии, Бельгии, Польши, Швейцарии, Соединенных Штатов Америки.

Небезынтересна следующая история: из нашей страны эмигрировал в свое время во Францию Г. Алексинский. Он продал свой архив, в котором были четыре ленинских документа, в США, Колумбийскому университету. И вот лишь недавно эти рукописи В. И. Ленина все же оказались у нас, в Москве: с университетом был совершен обмен — американцы получили несколько редких изданий русских книг.

Тетради, листы с машинописным

текстом, рукописи, написанные чернилами и карандашом, блокноты, испещренные стремительным ленинским почерком, резолюции на письмах и различных бумагах — как много рассказывают они о Владимире Ильиче! Из них мы узнали и о том, как В. И. Ленин руководил обороной страны в годы гражданской войны, как заботился о подъеме сельского хозяйства, о четкой работе государственного аппарата, о железнодорожном транспорте и многом, многом другом. Короткие ленинские записки показывают, что даже в самые трудные, самые напряженные дни Владимир Ильич проявлял большую заботу о людях. Здесь и записка в Министерство государственного призрения с просьбой помочь инвалиду; здесь и соболезнование семье врача по поводу смерти одного из членов его семьи, а вот запись на листке из блокнота, запись, которую невозможно читать без волнения. Она сделана Владимиром Ильичем на заседании Совета Труда и Обороны. В. И. Ленин спрашивает у председателя Комитета государственных сооружений К. А. Алферова: почему инженер Тахтамышев так худ и бледен? Узнав, что Тахтамышев снабжается, как все, то есть получает небольшой паек, а работает очень много, не щадя сил, Владимир Ильич просит Алферова о том, чтобы Тахтамышеву в виде исключения был увеличен паек.

Нередко поиски ленинских документов превращаются в серьезное исследование, и притом исследование по-своему очень увлекательное! Именно таким оно было у сотрудников института В. Горбунова и Б. Яковлева. Они просматривали документы Н. К. Крупской и обратили внимание на письмо из Женевы от 28 января 1904 года. В нем Надежда Константиновна сообщала Л. Б. Красину: «Старик (В. И. Ленин) будет писать о войне...»

Но до сих пор о такой работе Ленина ничего не известно! Вот сигнал, отправной пункт к началу поисков.

Во втором письме Н. К. Крупской к Л. Б. Красину от 4 февраля того же года говорится: «Посылаем листок Центрального Комитета о войне. Немедленно напечатать и распространить».

Легко предположить, что листок и является тем самым, о котором упоминала Крупская неделю назад. Но это нужно доказать! Предположение не основание для утверждения. Нужны дополнительные данные. Правильным поискам поспособствовало еще одно письмо Крупской, к Л. М. Книпович, отправленное в тот же день, 4 февраля: «Задержала письмо Сокола (М. М. Эссен) из-за листка о войне, пошла куда можно, для перепечатки».

Нашли и письмо Эссен. Оно помогло установить: листовка была написана 3 февраля. А об авторе ее Эссен ничего не пишет. Снова поиски. Наконец-то! В Центральном государственном историческом архиве в Москве хранилась перлюстрация письма Крупской от

16 февраля 1904 года, то есть после отправки листовки в Россию. В письме сказано определенно, что листок о войне написал В. И. Ленин, что его послали для перепечатки в Томск, Москву, Одессу, Питер, Самару, Саратов, Нижний Новгород и Екатеринослав. Ленинское авторство доказано! Но где же листовка?

Начали, конечно, с библиотеки Института марксизма-ленинизма, которая располагает самым богатым листовочным фондом. В нем оказалось немало листовок периода русско-японской войны. И снова встала задача: как из многих листов о русско-японской войне найти один, ленинский? После тщательных поисков в руках оказался листок, выпущенный в Екатеринославе. Он назывался «К русскому пролетариату». После подписи «ЦК РСДРП» стояла и дата: «3 февраля 1904 года». Именно в этот день листовка и была написана Владимиром Ильичем. Этот новый документ впервые печатается в восьмом томе Полного собрания Сочинений В. И. Ленина.

И это не единственная новая публикация. В пятый том включена заметка из газеты «Искра» — «Секретный документ», в шестой том — подготовительные материалы к «Проекту программы Российской социал-демократической партии» и т. д.

В тридцать шестом Ленинском сборнике впервые публикуются 636 ленинских документов, написанных с марта 1917 года по январь 1923 года. Среди них и телеграммы на фронт, и планы статей, и проекты постановлений, и множество писем, записок, в которых раскрывается необычайно бурная деятельность Владимира Ильича, горячее, напряженное время. Дыхание тех бурных дней чувствуешь, когда читаешь записку в президиум фронтального съезда, заседавшего в мае 1917 года. Владимир Ильич просит извинения в том, что не сможет воспользоваться приглашением фронтников, так как занят на Всероссийской партийной конференции. «Конференция задержалась», — пишет В. И. Ленин, — просидит, вероятно, всю ночь, и я не могу отлучиться ни на минуту».

Среди нескольких сотен очень интересных документов есть, между прочим, и записка от 27 апреля 1918 года в бюро печати при СНК, показывающая, что В. И. Ленин придавал большое значение вопросу информации для заграницы, и в частности Америки, о революции. Владимир Ильич просит предоставить американскому журналисту материалы о нашей революции и пишет: «Это дело имеет крупное значение общественное, ибо от этого зависит информация Америки и всего мира».

Публикуемые в Полном собрании Сочинений и в Ленинском сборнике документы потребовали большой исследовательской работы. Нужно было проверить многие факты, расшифровать многие неясные места, установить время написания документов, не имевших дат, наконец, просто доказать

авторство там, где нет рукописного ленинского оригинала.

Чтобы установить, например, время написания той или иной работы, пришлось изучить дополнительный материал, в том числе прессу тех лет, воспоминания современников, биографии лиц, упоминаемых В. И. Лениным, и т. д. В одном случае помогла в решении такой загадки библиотечная карточка, на которой сохранилась запись, когда В. И. Ленин получил книгу и когда возвратил. Или другой случай: на ленинской рукописи (это был конспект книги Фейербаха) стоял библиотечный шифр. Удалось установить, что шифр принадлежал Французской национальной библиотеке в Париже. Этот «ключ» и позволил определить дату составления конспекта.

В четвертый том Полного собрания Сочинений вошло пять статей В. И. Ленина, предназначенных для «Рабочей газеты». Ленинских рукописей этих статей нет. Но оригиналы все же имеются, хотя совсем необычные: все они написаны печатными буквами. Как известно, к такому способу приходилось прибегать в царское время в целях конспирации. Кто же переписывал статьи В. И. Ленина? Узнать имя переписчика важно и для подтверждения авторства В. И. Ленина и для того, чтобы быть уверенным в правильности самой переписки. Долгое время переписчик оставался неизвестным. И вот установлено: статьи переписывала Крупская.

Впервые увидело свет во втором томе Полного собрания Сочинений «Сообщение от имени «стариков» членам петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Чтобы подготовить «Сообщение» к печати, потребовалась огромная, можно сказать, ювелирная работа. Дело в том, что «Сообщение» было написано В. И. Лениным во время пребывания в тюрьме в 1895—1897 годах и имело цель предупредить товарищей по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» о провокаторе Н. Н. Михайлове. Естественно, что В. И. Ленин прибег к конспирации: он написал текст на странице книги «Сельскохозяйственные рабочие и организация санитарного надзора в Херсонской губернии», написал простым карандашом, между печатными строками, очень мелким почерком, со многими сокращениями.

Очень трудно было сотрудничать институту Е. С. Голубевой расшифровывать текст, в котором к тому же многие буквы стерлись от времени, о многом приходилось просто догадываться. После долгих и настойчивых усилий почти весь текст был прочтен.

Таков далеко не исчерпывающий рассказ о том, чем и как пополняется сокровищница ленинских документов, что нового узнали мы за последнее время о бессмертном Ленине — вожде величайшей революции.

В. РУДИМ

M. Gorky
1926

На первой
странице
вкладки:

В. И. ЛЕНИН.

Работа
М. Соколова. 1926.

П. Соколов-Скаля.

ОКТАБРЬ
В МОСКВЕ. 1959.

Ю. Рейнер. ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ

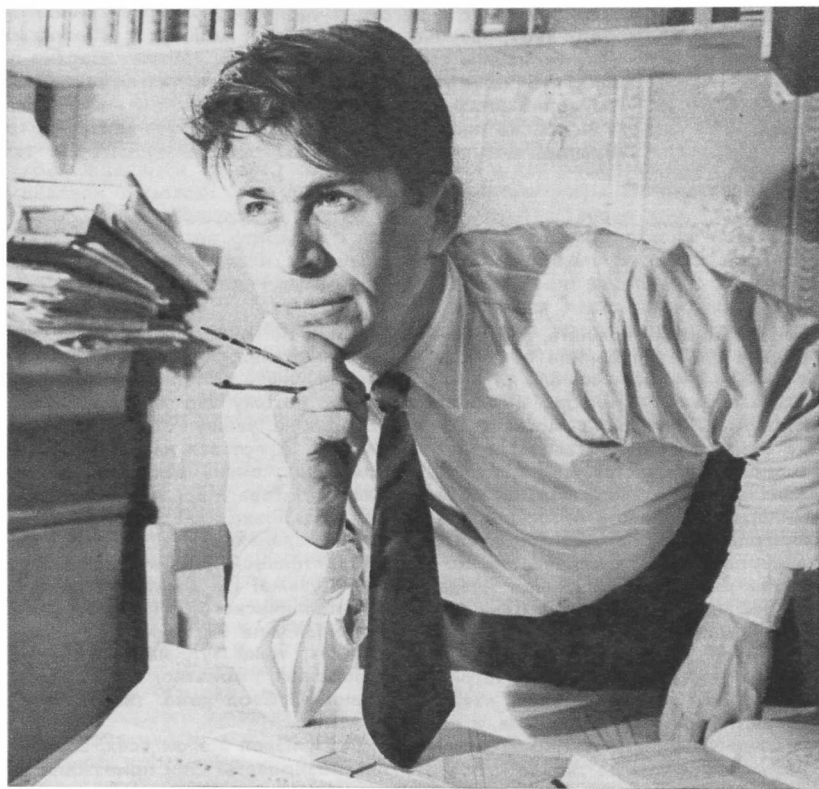
Найдутся, наверно, биографии любопытней, чем у моего Сережи Ласточкина. Да и профессия у Сергея не из героических. Не летчик он, не водолаз и не пожарный. Закройщик. Хотя и по металлу, а все равно закройщик. Нет, я не собираюсь принижать эту специальность, наоборот, готов всячески славить ее представителей, лишь бы красиво кроили. Плохо сшитый костюм — большая неприятность, но еще большая — неудачно «скроенная» машина. А раскраивает ее детали разметчик, закройщик по металлу.

Говорят, это профессия уходящая. Ну, может быть, при полной автоматизации производства она и уйдет. Вложишь в аппарат чертеж, нажмешь кнопку, и невидимые руки перенесут линии, вычерченные конструктором, с бумаги на металл. И не просто перенесут, а еще и выточат по ним готовую деталь. Нечто похожее уже, собственно, проделывают и ныне существующие станки с программным управлением... Так что через какое-то время не только разметчикам, но и токарям и фрезеровщикам — в отставку! Всех заменит наладчик автоматики. А пока у токарей и фрезеровщиков работы хватает. Да и разметчики не сидят без дела. Особенно там, где создаются уникальные машины, детали сложной конфигурации, точный инструмент.

Разметочная плита — маленькая промежуточная станция на пути чертежей из конструкторского бюро к станкам. Впрочем, для листа синьки она станция конечная. Дальше движется уже сама заготовка, на которую разметчик скопировал чертеж. О, за это слово — «скопировал» — достанется мне от разметчиков! Они не копируют: их работа — такое же творчество, такие же поиски, что и у конструкторов...

Знаете, как разметчик Алексей Дмитриев с ленинградского Металлического вырубил однажды и свой завод, выпускающий турбины, и другой, уральский, льющий заготовки для них? Отливочки каждая в десятки тонн. И вот, представьте, несколько таких стальных «малышек», прибывших с Урала, оказались негабаритными. Это на техническом языке, а попросту говоря, — брак. Дело прошлое, и не стоит сейчас поминать лихом виновников, но просчет был грубейший. Отливки не соответствовали чертежу. Их нельзя было превратить в детали турбин, они «не проходили» по размерам. Оставалось составить акт — и в переплавку, в мартен! И тогда разметчик сказал: «Попробую выкроить...». Кроил день, кроил ночь, и еще день, и еще ночь, считал, пересчитывал, перекраивал и все же выкроил! Спас уральские отливки. Спас миллионы рублей, которые могло потерять государство. Вот что такое разметчик!

Начал я про Ласточкина и отвлекся. Кстати сказать, о случае с Дмитриевым я от Сережи и

Сергей ЛАСТОЧКИН.

Фото Д. Трахтенберга.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ

А. СТАРКОВ

узнал. Он про Алексея, про работу его очень уж картинно рассказывал. И я, никогда не выдавший Дмитриева, представил себе, как этот маленький, худенький человек управляется с огромными деталями, к которым и слово-то «деталь» явно уже не подходит. Хороши детали: без подъемного крана не обойдешься. Походит смену вокруг таких махин все равно, что с Выборгской стороны на Невский раз десять туда-сюда прогуляться. Да и инструмент соответственно великанский. Рейсмус — главное орудие разметчика, коим он наносит риски на металл, — такой у Алексея, что четверо подручных с трудом представляют... Надо бы миниатюрному Дмитриеву поменяться заводом и рабочим местом

с Ласточкиным, которого бог ни ростом, ни силенкой не обидел.

Сергей — в инструментальном. Тут все — на миллиметры, а то и на микроны. Без лупы трудно. Но Сергей редко берет лупу. И так не ускользнет от него микрон! Но вот особенность: когда пристально вглядывается, глаза его будто косят. Обычно, всматриваясь, человек щурится. Или, как стрелок, берущий «яблочко» на мушку, один глаз прикрывает веком. А Сергей глядит на нониус, на шкалу, отсчитывающую сотые доли миллиметра, и оба его ока широко раскрыты. Но при этом левое как бы выключено, погашено, работает только правое. Или наоборот. И взгляд потому вроде рассеянный, косящий. Это лишь

кажется. Зрение у Ласточкина орлиное, глазомер точнейший. Вот такой, наверно, у снайперов, у артиллерийских разведчиков.

А он и есть бывший артиллерийский разведчик, гвардии сержант Сергей Ласточкин. Стереотруба, теодолит, буссоль были его оружием. Ох, и солидный же курс геометрии прошел он на войне! Сколько построил треугольников, сколько определил углов, сколько теорем решил, засекая бронепоезда, доты, пулеметные точки противника, корректируя с чердаков, с верхушек деревьев, с колоколен огонь наших батарей, меряя землю с топографическим взводом... Он измерял ее и после войны, прильнув к глазку нивелира, на улицах Ленинграда, где прокладывались трубы газопровода. Такая уж выпала ему «планида»: вычислять, мерить, кроить. Она и привела его в разметчики, посадила у чугунной плиты, дала в руки рейсмус, штангенциркуль, молоток с керном. Здесь та же геометрия, те же логарифмы, те же математические таблицы...

Разметочная плита у самого окошка. Ласточкин всегда в дневной смене: электрический свет мешает разметчику. В окно видна улица, перекресток, овощная палатка. Сергей нет-нет да и оторвет утомленные глаза от плиты, от нониуса, от тоненьких-тоненьких рисок, чтобы понаблюдать с минутку за жизнью улицы, за спешащими пешеходами, за снующими туда-сюда автомобилями. И вот уже глаза освежились, словно по ним влажной губкой провели, и опять за дело.

Ни разу не видел я у Ласточкина на плите двух одинаковых деталей. Лежит груда стальных пла-

стин-заготовок, и у каждой свой чертеж. Спрашиваю:

— Вот из этой что будет?

— Кулачок...

— А из этой?

— Кулачок...

Беру третью.

— Тоже кулачок. Тут все будущие кулачки. Да одинакового-то у них только название.

«Кулачок» — с детскую ладошку, но без него токарный автомат — мертвое железо. Этому маленькому стальному труженику, верней, целому семейству таких тружеников, подчинены и ход и направление резца, обтачивающего деталь. В зависимости от формы, которую нужно придать детали, и подбирает кулачки настройщик автомата. А «номенклатура» у станка огромная, детали он обрабатывает самые разные, и приходится то и дело менять его кулачковый механизм. Автоматов в цехах становится все больше, и спрос на кулачки растет. А их не изобразишь без разметки. Хотя и мал кулачок, да конфигурация у него хитра. И у разметчиков дай бог с ним мороки! Попробуй разделить заготовку на 360 частей по окружности, да провести 360 точно рассчитанных кривых, да сделать на каждой

РОДИНА

АШОТ ГАРНАКЕРЬЯН

Если исходишь, изъездишь планету,
Скажешь от полного сердца всего:
Лучше тебя, моя Родина, нету,
Чище тебя не нашел ничего!
Может быть, где-то и небо синее
И у причала прозрачной волна,
Но без тебя я прожить не сумею,
Ты у меня безраздельно одна.

Сильная, в бурю окрепшая смолоду,
Держишь всегда наготове свой щит.
Серп твой, навечно прикованный к молоту,
Многое нашим сердцам говорит.
Все, что казалось мечтою веками,
Ты воплощаешь в живые дела.
У человека растут за плечами
Крылья, могучие крылья орла.

То, что сегодня пробилось росточком,
Завтра умножится в тысячу крат —
Так на деревьях весенние почки
Щедрую зелень прохожим сулят.
Сделано много и пройдено много,
Плачено кровью за все, чем живем.
Трудные взяты вершины в дороге,
Но продолжается гордый подъем.
Дышится вольно, живет крылато,
Даже и осенью в сердце весна.
Ленина имя для каждого свято,
Партия ленинской правдой сильна.
Если исходишь, изъездишь планету,
Скажешь от полного сердца всего:
Лучше тебя, моя Родина, нету,
Чище тебя не нашел ничего!

360 засечек! И всякий раз новый профиль, новый калибр. Больше четырех — пяти штук за смену не разметишь... Но вы плохо знаете Сережу Ласточкина, если подумали, что он тоже вот так сидит и пыхтит над каждой заготовкой. Нет, у него сработано специальное приспособление, машинка такая, которая все хлопоты с кулачками приняла на себя. Признаться, я не очень-то разобрался в ее устройстве, хотя Сергей мне все старательно объяснял:

— Погляди. Зажимаю пластину... Вот пружинный фиксатор. А это направляющая линейка, вдоль которой ходит каретка с керном... Угол поворота отсчитывается по лимбу... Понял?

Ну, пусть я не все понял. Но я же видел, по секундомеру проследил, как каждые восемь минут ложится на плиту заготовка с нанесенными на нее с микронной точностью линиями и засечками. А технические подробности, кто хочет, может найти в недавно вышедшем учебнике «Разметчик механических цехов». Там описание и других Сережиных изобретений: «Штангенциркуль Ласточкина», «Рейсмус Ласточкина с бесконечной шкалой», «Керн Ласточкина». Тот керн, по которому прежде били молотком, а теперь не бьют, потому что Сергей насадил его на пружину, и стоит легонько нажать — засечка готова... Все это вошло в книгу. Кстати, Машгиз готовит сейчас к выпуску фундаментальный «Справочник разметчика» на 20 печатных листов. Авторы: Г. М. Дешевой, Б. Я. Мирошников и С. В. Ласточкин. Первые двое — кандидаты технических наук...

— Художник! — сказал мне про Сергея начальник цеха.

И я понял это в переносном смысле, в смысле похвалы искусству разметчика. Но, кроме переносного, тут был и прямой смысл. Мне открылось это, когда я побывал дома у Ласточкина. Я увидел на стенах картины, много картин. Пейзажи, натюрморты, портреты. Есть и групповой портрет. Художник рассадил и расставил людей вокруг стола, покрытого красной скатертью (яркое, броское живописное пятно), и около учебной доски с большим листом ватмана (белое пятно в контраст с красным). На столе какой-то прибор, над ним склонился человек, видимо, объясняющий остальным его устройство... Картина в полстены, в тяжелой золоченой раме, и висеть бы ей не в этой застав-

ленной вещами комнате, а где-нибудь в фойе клуба или в конференц-зале. А она и висела на многих выставках в клубах и домах культуры Ленинграда, Москвы, была и на всесоюзной выставке народного творчества.

Названа сухо, официально: «Семинар разметчиков в городе Ленинграде». Но она о большем. Она о своеобразном землячестве, которое родилось десять лет назад на берегах Невы. Точней, близ реки Фонтанки, в Технологическом институте. И еще точней, на кафедре начертательной геометрии и графики. Здесь собрались «земляки» не по месту рождения, а по рабочему месту, по профессии. Разметчиков всегда тянуло к объединению. Они ведь по характеру труда своего индивидуальны, одиночки. Даже на крупных заводах пять — шесть разметчиков. А на большинстве — по одному. С кем поделиться мыслями, с кем посоветоваться? Вот они и начали съезжаться в «Техноложку», в «гости к Дешевому». Георгий Михайлович — один из четырех братьев-доцентов, сыновей профессора Дешевого, — заведует кафедрой, которую много лет вел его покойный отец... Так вот, собрались разметчики раз, второй, третий. Назвали свои встречи семинаром, поскольку слушали лекции, обменивались опытом, обсуждали рационализаторские предложения. Но не гадаывали, что семинар этот растянется на долгие годы, что превратится он в крепчайший союз, в сообщество, к которому примкнул заочно и разметчики других городов. Это — прекрасное сообщество, это корпорация людей, связанных, если хотите, круговой порукой. Да, благородной круговой порукой бескорыстных тружеников, всегда готовых поспешить друг другу на выручку...

Всматриваюсь в картину, в лица изображенных художником людей. С некоторыми я знаком. Сразу узнается Кузьма Крючек с вагоностроительного, порывистый, неугомонный Кузьма, список изобретений которого занимает толстую тетрадку. Вот и сейчас принес какой-то очередной сконструированный им прибор — центрирующий штангенрейсмус, что ли? — поставил посередине стола и показывает товарищам. Весь подался вперед, словно грудью собирается защищать свое детище... Узнаю Дешевого по чуть горделивому повороту головы, по свободной, уверенной позе, по золотому колечку

на правой руке, свисающей со спинки стула... Рад видеть я Михаила Пудыча Бойцова с «Электро-силы», потому что в жизни уже больше не увижу старика: умер Пудыч... А вот вся какая-то очень домашняя, очень доброжелательная Федотова Марь Антонна, старая путиловка... А за спиной ее кто — маленький, худенький, с одобрительной улыбкой внимающий Кузьме? Не Дмитриев ли это с Металлического, о котором рассказывал мне Ласточкин? Он, Ласточкин, тоже тут, на картине, и изображен, понятно, с особым тщанием. Своя рука, так сказать, владыка...

Ох, и извел же он всех, заставляя позировать! Они приезжали к нему в мастерскую на Васильевском острове, во Дворце культуры имени Кирова, где он занимался тогда в художественной студии. Картина писалась медленно, в страданиях. Сначала не клеилось с композицией, потом — с деталями. Но натурщики были терпеливы. Они то часами сидели или стояли, окаменев, то ежеминутно поворачивались, как на шарнирах, стойчески выдерживая всю эту муку.

Перебираю альбомы и разрозненные листы с эскизами, набросками, зарисовками, оставшиеся после работы над картиной. Тут носы, лбы, подбородки во всех ракурсах, и поворот плеча, и наклон головы, и руки тут — их трудней всего рисовать! — разные руки: пухлые, худые, волосатые, жилистые, сжатые в кулак, с растопыренными пальцами, согнутые в локте, в запястье, подпирающие щеку, сложенные на груди, на коленях. И еще стопка пожелтевших листов. Те, что уцелели в походах, в переправах через реки, в боях и привезены с войны в полевой сумке: солдатская землянка, сожженный снарядами лесок, танки, идущие на передовую. И еще пачка зарисовок. Эти сделаны в поездках по городам, по заводам... Груда! То и дело попадаются чертежи, листочки с геометрическими построениями, куски топографических карт. Вторая стихия Ласточкина! А может, первая?

— Сережа, — спрашиваю, — а геометрия живописи не помеха?

— Я тут, — отвечает, — лекцию недавно слушал о Леонардо да Винчи. Знаешь, что сказал лектор? Послушай, у меня дословно записано. «Он, — говорит, — был не только великий живописец, но и великий геометр. Картины его можно представить как результат проектирования из двух центров

на цилиндрическую поверхность...» Во как!

— Но ты же не Леонардо...

— Люблю геометрию! — продолжает он, игнорируя мое замечание. — И живопись люблю! Случай у меня был на войне. Я, ты знаешь, в гаубичном полку служил, в разведке. Часто приходилось артиллерийские панорамы рисовать. Глядишь в стереотрубу, и все, что в обзоре, на бумагу заносишь. Не значками — в натуре! Дерево так дерево, церквушка на горе — и церквушку рисую. В красках. Небо голубое, трава зеленая, как положено. В общем, вроде пейзажа получается. Только строго по масштабу, по артиллерийским делениям. А нужны такие панорамы командирам батарей. Для общего ориентира. И уж никакая живая тварь тут не рисуется. Одно лишь недвижимое имущество. Горы, деревья, дома... Вот сижу разок у стереотрубы, панораму малую. И вижу вдруг, пасется лошадка. Как уж она на «ничейную» землю забрела, не знаю. Пошпикивает да жует себе травку, не ведая, понимаешь, про войну, про пушки... Я в деревне рос до детского дома-то. Сколько раз лошадей в ночное водил! И напонила мне та коняга детство мое. Защемило сердце. И я лошадку возьми да и в панораму! Нарушение, конечно, вольность. А начальник у меня — чисто геометрическая душа, из одних прямых углов составленная. Глянул, затряс-

ПЕРВАЯ

ся. «Вы,— говорит,— Ласточкин, лирику мне тут не разводите. Коя убраться!» Хорошо, что командир полка заступился. «Все,— говорит,— очень точно нанесено. Огневые точки видны? Видны! А кобылка совсем тут не мешает. Пусть пасется себе на здоровье!» А ты говоришь: геометрия, живопись... Мне один человек так про это сказал. «Нельзя,— говорит,— превращать живопись в геометрию, но каждый художник должен знать геометрию...»

— А кто этот человек?

— Гуго Шмидт из Ратенова... Ты ведь, кажется, бывал в Германии. Знаешь маленькие немецкие городки? Они все на один лад, по одному покрою шитые: чистенькие, будто вымытые, красные черепичные крыши, ратуша на площади, кирха напротив, готика! И повсюду, на всех углах, памятники... Вот и этот такой же, Ратенов. На северо-западе он от Берлина. В Бранденбургской провинции. Городок с носовой платок, а бой за него был сильный. Немало там донских наших конников полегло... Мы в том Ратенове с год после войны стояли. Местность вокруг красивая, живописная, к рисованию располагающая. И оттого, наверно, там чуть не каждый третий — художник. Полно живописцев. Ну, сам понимаешь, завелись у меня сразу среди них знакомства. Вот и с этим Гуго Шмидтом подружился. Старый холостяк. Вся жизнь — в живописи. Мы к нему с Виктором Селезневым ходили, приятелем моим. Тоже любитель порисовать. И немецкий знал хорошо. Понравились мы, видать, старику. Он с нами целые вечера проводил. Дома у него музей! Всю жизнь почти все, что зарабатывал, на картины, на репродукции тратил. Повидал я у него и голландцев, и француз, и немецких мастеров... А по воскресеньям брал он нас с собой на натуру. Этнодики в руки, и на весь день в лес. Мы с Виктором в солдатских гимнастерках, в сапогах, а старый Гуго в длинной вельветовой блузе с большим черным бантом, в широкополом шляпе. Рисовальщик он был отменный. Многому мы у него поучились... А когда мы расставались, когда нашу часть переводили в другой город, подарил мне Шмидт на память альбом из своей коллекции. Офорт Рембрандта. Хочешь покажу?

Он полез в шкаф, сделал какое-то неловкое движение, и оттуда полетели, тяжело стукаясь об пол, альбомы, посыпались, шелестя, открытки... Пять тысяч репродукций у Сергея. Жена стонет: класть некуда!

Снова оглядываю картины, что висят на стенах. Вокруг «Семинара» море. Море, несущее на себе отряд крейсеров. Море, раскачивающее торпедные катера, которые летят в атаку. Пустынное море.

О, это давнее Сережино пристрастие! Первый раз он нарисовал море еще 25 лет назад, десятилетним мальчишкой. Он изобразил его тогда замерзшим, в громоздящихся льдах, которые сдавливали пароход. Это было про «Челюскина». Рисунок послали из детского дома на городскую выставку, а с выставки пришла в детский дом премия — набор красок.

Он мечтал стать моряком. Но судьба иначе распорядилась Сергеем. Она только единственный раз в жизни и совсем ненадолго приобщила его к этому славному племени.

То было в августе 1941 года. Сережка вместе с другими ребятами из ремесленного рыл окопы под Ленинградом, у Красного Села. Налетел «Юнкерс», сбросил бомбу, обстрелял. Полегли убитые, отползали раненые, разбежались уцелевшие. Убежал и Сережка. Он выбрался к шоссе и, остановившись, не зная, в какую сторону податься. Огляделся. Увидел матроса. Тот лежал у самого кювета. Сережка склонился над ним. Раны не видно было, кровь еще не просочилась сквозь одежду, но матрос был мертв. Рядом валялась бескозырка, на ленте — «Киров». Сережка приподнял матроса, снял полуавтомат Токарева, сложил мертвому руки на груди, надел на себя его бескозырку. А потом он увидел живых матросов. Они соскакивали с грузовика. Они были в бушлатах, в бескозырках с завязанными лентами, чтобы не упали на бегу, с такими же полуавтоматами, как у Сережки. Они с ходу шли в атаку на неожиданно прорвавшихся немцев, и Сережка тоже ринулся с моряками. Он стрелял, кричал «За Родину!», видел, как падают рядом матросы, как падают впереди немцы, и сам упал бы, потому что в него целился немец, но того немца сбил прикладом морячок, бежавший впереди

Сережки. А потом все они залегли. И к Сережке подполз командир в шинели. На рукавах у него была золотая полоска и еще одна, поуже. Сережка не разбирался тогда в званиях, а позже узнал: это был лейтенант. Лейтенант спросил: «Ты откуда такой?» У Сережки был, конечно, странный вид: пиджачок, бескозырка. Он сказал: «Я с Выборгской стороны...» «Ну и давай к себе на Выборгскую...» «Я с вами...» «Слушать и исполнять!» — повысил голос командир. — Вон видишь, раненый старшина лежит. Приказываю отвести в деревню!» Он сказал «отвести», но старшина, раненный в грудь, не мог идти, и пришлось тащить его, хотя тот был в два раза тяжелее Сережки. Били минометы. Но какая-то невидимая счастливая звездочка указывала Сергею дорогу, на которую не падали ни мины, ни пули. Он притащил старшину в деревню, там стоял санитарный автобус, и санитары сразу подхватили раненого... Потом, уже после войны, Сергей узнал судьбу того отряда моряков: никто — ни лейтенант, ни матросы — не вышел живым из боя...

Есть у него в цехе друг Василий Чернышев, бывший подводник, рулевой гвардейской «щуки», которая прорвалась как-то в базу противника, буквально по дну проползла и, выпустив одновременно четыре торпеды, веером, потопила сразу четыре стоявших у причала корабля. А на рулях во время той атаки был Чернышев. Догадываешься, как относится к этому человеку Сергей? А у Чернышева давнишняя просьба к Сергею: нарисовать «щуку» в походе. У Ласточкина уже и холст приготовлен, и десять раз уже побывал в музее, где стоит модель лодки, но все не приступает к картине. Корабль нарисовать легко, а море? Сергей недоволен своими прежними «морями». Там вода мертвая, ватная. А море должно жить, литься... Надо рисовать, рисовать, рисовать воду. Вот она на рассвете: Финский залив, пляж, волна легко-легко плещется о берег. И вода весенняя: гребная станция на Каменном острове; земля отогревается, тает снег, и ледок отходит от берега, открывая темную густую воду. А вот она в лесу: только что прошел дождь, омыл землю, деревья, оставил после себя озерко, подзолоченное солнцем... Но это же не море! Да, но чтобы изобразить море, надо научиться

сперва рисовать воду, которая в стакане...

В этот вечер у Ласточкина моим уделом было смотреть. И, признаться, я уже начал уставать. Столько картин, рисунков, репродукций, чертежей! А Сергей выкладывает еще на стол горы снимков. Третья его страсть — фотография! Он и тут художник. Он привел меня в зоологический сад, и я вижу лисичку, которую угостили конфеткой, а она ее быстренько припрятала и снова на задние лапки к решетке, ластится, заигрывает, вымалывая еще одну конфету; а павлин снят так, что хотя фото и «черно-белое», а я вижу все многоцветье гордо разметнувшегося хвоста... Он, Ласточкин, заставляет меня волноваться за его дочурку Аленьку, которая делает первые шаги: ухватилась за березку, хочет оторваться, а березка не пускает... Он возвращает меня в праздничное фестивальное лето 1957 года. Снова я среди гостей Москвы. Вот задумчивая кореянка, к лицу которой так идет игра светотени. Вот хохотушка Мэри из Лондона. Вот высокий красивый человек с глазами, цепко всматривающимися в мир.

— Рене Арман, скульптор из Парижа,— говорит о нем Сергей. — Мы познакомились на художественной выставке, в зале француз. Скушал я там. Вот уж где действительно вместо живописи одна геометрия! И вдруг вижу девушку с шалью через плечо. Вся движение, порыв. Чудесная скульптура! Названа «Заря». И еще девушка: пробудилась ото сна, широко раскрыла очи. Это «Весна». Любуюсь этими скульптурами, а вот этот человек стоит неподалеку и глядит на меня. Видит, что я заинтересовался. Спрашивает через переводчика, кто я такой. Отвечаю, кто я такой. А он скульптор, это его работы. Разговорились. Потом долго гуляли по Москве. Я ему про Ленинград рассказывал, про Русский музей. Он сказал, что еще раз приедет в СССР и тогда обязательно — в Ленинград. И потом вдруг сказал, что русские — необыкновенные люди. А я говорю: «Почему же? По-моему, самые обыкновенные...» «Нет,— говорит,— вы необыкновенные обыкновенные люди!»

Мне очень нравятся слова парижанина, и я решил поставить их в заголовок этого очерка о Сергее Ласточкине.

ЭСТОНКА В КРАСНОЙ ГВАРДИИ

На этом снимке, сделанном более сорока лет назад, изображена Алисе Тислер — одна из первых женщин Эстонии, добровольно вступивших в Красную Гвардию. Ее именем названы две улицы: в республиканской столице и в городе Кейле.

Это она, работница Русско-Балтийского завода, большевичка-подпольщица, еще в 1916 году участвовала в организации забастовок на предприятиях Таллина, а в дни свержения самодержавия вела пламенную агитацию среди матросов и солдат. В марте 1917 года вместе с другими большевичка-

ми она возглавила первую в Таллине революционную демонстрацию работниц и солдатских жен. По инициативе Алисе Тислер была организована «Красная лига женщин», работавшая под руководством большевиков. Члены лиги много сделали для оказания помощи бедствующим солдатским семьям.

В апреле Алисе избрали на Северо-Балтийскую конференцию большевиков, а в мае — членом Таллинского комитета партии. Вместе с товарищами она не раз выезжала в Гельсингфорс, выступала на военных кораблях, разоблачая перед революционными матросами предательское поведение эсеров и анархистов.

Вступив в Красную Гвардию в августе 1917 года,

Алисе Тислер наравне с бойцами-мужчинами старательно изучала военное дело, несла караульную службу. После Октябрьской революции она участвовала в конфискации помещичьих земель, организовывала красногвардейские отряды в деревне.

Когда был раскрыт контрреволюционный заговор немецких баронов и эстонской буржуазии, Алисе охраняла склад боеприпасов на улице Магазины (ныне эта улица зовется ее именем). Трое суток не приходила смена караула: все бойцы были заняты арестами заговорщиков. И все эти трое суток, на холоде, без еды, девушка-красногвардеец несла свою вахту.

А вскоре, в феврале

1918 года, когда германская кайзеровская армия начала наступление против молодой Республики Советов, Алисе добровольно вступила в отряд, посланный, чтобы отразить натиск врагов.

Накануне выступления отряда, 21 февраля, она написала домой. Вот строки этого письма, сохранившегося у близких как драгоценная реликвия:

«Дорогие родители!.. Красная Гвардия идет навстречу немцам, чтобы не допустить дальше эту армию грабителей. Идут, конечно, добровольцы, и я в их числе... Если нужно, погибну... У тебя, мать, не должно быть слез... Придут новые силы и отомстят за нас...»

23 февраля около станции Кейла таллинские красно-

гвардейцы приняли бой и первыми атаковали превосходящие силы противника.

Группа бойцов во главе с Алисе Тислер под губительным огнем немецких пулеметов заняла каменный сарай в нескольких десятках метров от вражеских позиций. Алисе ранило сначала в ногу, потом в левую руку. Но, и упав на снег, она продолжала вести огонь и последним выстрелом сразила офицера. Штыки озверевших немецких солдат оборвали жизнь девушки.

Вместе с тринадцатью красногвардейцами, павшими в этом бою, Алисе похоронили в братской могиле в Кейле.

Память о большевичке — первой женщине в рядах Красной Гвардии — свято хранят труженики Эстонии.

Р. МАЙЕР,

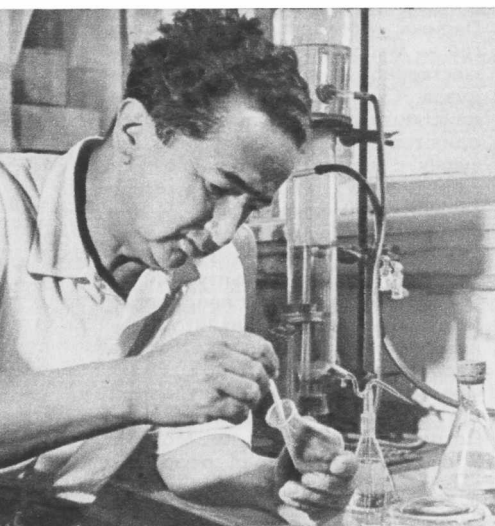
член партии с марта 1917 года

Алисе Тислер — боец Красной Гвардии.

Сотрудники лаборатории химии алкалоидов в экспедиции.

Охотник

Сабир Юнусович Юнусов.

тери: он поступил не в медресе, а в педагогический техникум. Кроме того, он стал комсомольцем. В комсомол пришлось вступить тайно: то были годы, когда фанатики-мусульмане, случалось, убивали первых комсомольцев-узбеков.

Но все тайное рано или поздно становится явным, и однажды, вернувшись домой, Сабир увидел в руках матери палку.

— Проклятие аллаха на тебе! Ты больше не правове́рный мусульманин. Уходи! Так велел мullah...

...Несколько лет спустя по коридорам Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института ходил, неуверенно оглядываясь, молодой узбек. Перед одной стеной, где в рамках под стеклом висели засушенные растения, он остановился и тихо сказал: «Салам!» То были

важное значение, как открытие железа для мировой культуры. В повседневной жизни мы встречаемся с алкалоидами на каждом шагу. В чае и кофе — кофеин, в какао — теобромин, в перце — пиперин... Многие алкалоиды принесли человечеству неизмеримую пользу. Кокаин явился замечательным обезболивающим средством, морфин — снотворным, кодеин — успокаивающим кашель.

Молодой химик Сабир Юнусов каждый год отправлялся на поиски новых алкалоидоносных растений. Пешком, на ишаке, на лошади, на автомашине он исходил и изъезжал самые отдаленные места Средней Азии.

...Война застала его в горах Таласа. Через месяц он был уже на фронте. Тяжелое ранение на полтора года приковало его к постели.

Он видел, как врачи делали ежедневно десятки сложнейших операций. Раненым давали наркоз. Они засыпали, но мышцы их оставались напряженными. Почти при всех операциях требовалось средство, расслабляющее мышцы.

— Разве такого средства нет? — спрашивал у врачей Юнусов.

— Есть такое средство у американцев, — отвечали врачи. — Они получают его из яда кураре.

За алкалоидами

Вс. ПРИВАЛЬСКИЙ

Фото Д. Ухтомского.

В Ташкенте еще и сейчас помнят старого каменщика Юнуса Юнусова. Это был замечательный художник, мастер узорной кладки. Он умер 50 лет назад, оставив вдову с четырьмя детьми. Маленький Сабир Юнусов начал работать чуть ли не с пятилетнего возраста, а когда стал вдвое старше, поступил учеником к жестянщику. В мастерской не смолкали звон и грохот, мальчик отбивал себе молотком пальцы, сердитый мастер добавлял колотушек.

Мать, неграмотная женщина, едва знавшая две — три молитвы, мечтала: Сабир подрастет, поступит в медресе, научится читать коран — вся улица будет завидовать ей, вдове бедного каменщика.

Но сын обманул ожидания ма-

старые знакомые: тюльпаны, маки, травы, которые весной пестрым ковром покрывают просторы Средней Азии. Потом открылась дверь, и появился высокий человек в белом халате и круглых очках.

— Вы откуда? — спросил он.

— Оттуда, откуда и эти растения, — ответил юноша, указывая на стену. — Я студент-химик, прислан на практику из Ташкента.

Так началась многолетняя дружба старого русского ученого академика А. П. Орехова и молодого узбекского паренька Сабир Юнусова.

Окончив университет и аспирантуру, Юнусов стал одним из самых усердных охотников за алкалоидами.

Алкалоид... Это сложное химическое вещество. Именно оно является действующим началом растений. Открытие алкалоидов более 150 лет назад имело для медицины, пожалуй, такое же

Но ведь курарин — алкалоид! Не может быть, чтобы подобного ему не оказалось в растениях Средней Азии!

В 1943 году Сабир Юнусов приезжает в родной Ташкент. Скоро здесь открывается лаборатория химии алкалоидов. Вот когда пригодилась Юнусову старая профессия, вот когдагодились руки, которые умеют резать, паять, пилить!

Едва были готовы первые установки, Юнусов организует экспедицию за алкалоидоносами, из которых можно получать столь необходимые фронту медикаменты. Экспедиция выехала... на трамвае. Уже за чертой города нашлось достаточно алкалоидоносных растений.

Годы упорного труда уходят порою на выделение нового алкалоида. На поиски заменителя кураре ушло два года.

Первые опыты оказались неудачными. Мешки с растениями

таяли, колбы наполнялись пахучей смолистой жидкостью, но ничего похожего на кураре в них не было. В горах и пустынях Средней Азии оставалось все меньше мест, где не побывали бы экспедиции охотников за алкалоидами.

Однажды со склонов Шахристанского хребта привезли три мешка одного из видов дельфиниума — живокости горнолюбивой. Три мешка! Чтобы получить горсточку чистого алкалоида весом в 15—20 граммов, приходится переработать 40—50 килограммов сухого растения.

Самые волнующие минуты наступают тогда, когда колба наполнится наконец насыщенным раствором. В этой прозрачной и невинной на вид жидкости содержится никому еще не ведомое, никем еще не виданное вещество. Быть может, оно исцеляет от страшных болезней, а может быть, само несет смерть!..

Теперь наступают самые томительные часы, когда ученому остается только ждать: выпадут ли из раствора кристаллы? Если выпадут, значит, вот он, новый алкалоид!

Процесс кристаллизации происходит при медленном охлаждении раствора. Трое суток следили Юнусов и его помощники за колбой с раствором. И терпение ученых было вознаграждено. Однажды они стали свидетелями чудесного процесса. Сначала в середине прозрачного раствора появилось едва заметное туманное пятнышко. Оно росло, расширялось, и вдруг блеснуло в нем одна, потом другая, третья грани, и готовый, «новорожденный» кристалл медленно опустился на дно. Достаточно было появиться одному кристаллу, как тотчас процесс кристаллизации пошел бурным темпом. Скоро все дно колбы оказалось покрытым кристаллами.

Итак, новый алкалоид был получен! Но кто он: целитель или убийца? Заменит ли он курарин, которого так ждут в больницах и клиниках?

Теперь свое слово должны были сказать экспериментаторы-клиницисты. Белые кристаллики нового алкалоида отослали в Ленинград. И вот первые кубики препарата введены под кожу кролику. Текут минуты... И вдруг уши зверька поникают, безвольно клонится голова, застывают передние лапки, потом задние... Картина парализованного кролика. А через полчаса кролик как ни в чем не бывало грызет морковь. Дозу меняют, варьруют. Кролик покорно застывает на час, на два, а ожив, чувствует себя превосходно!

Ныне новый препарат получил признание и применяется во многих клиниках.

Узбекский ученый Сабир Юнусов со своими сотрудниками исследовал около трех тысяч среднеазиатских растений, сделал 12 тысяч анализов, открыл 800 алкалоидоносов и 120 новых полезных алкалоидов.

...Сейчас Сабир Юнусович Юнусов — вице-президент Академии наук Узбекской ССР. Он руководит лабораторией в Институте химии растительных веществ Узбекской академии наук. Это уникальный институт, другого такого нет нигде в мире. Из среднеазиатских растений добываются новые алкалоиды, которые принесут человечеству исцеление от многих болезней.

Вот уже несколько ночей я без сна. Непосильная работа расшатала мои нервы. Я очень хочу, но никак не могу заснуть. Я обратился к невропатологу.

— Сколько часов в день ты работаешь? — спросил он.

— Часов шестнадцать — двадцать.

— У тебя переутомление. Что заставляет тебя столько работать?

Вместо ответа мне хотелось плюнуть ему в лицо. Что за вопрос? Не от хорошей жизни, наверное... Он прописал мне успокоительные капли, снотворные пилюли. Ничего не помогло. Я ложусь в постель и, когда наконец сон начинает меня одолевает, вдруг вспоминаю, что за квартиру не плачено уже три месяца. Попробуй-ка заснуть после этого!

В голову лезут всякие цифры... Начинаю подсчитывать... «Триста шестьдесят... отнять двадцать пять... ноль минус пять, от шести отнять единицу... десять минус пять... Четыре минус два, два... Долой три... Единица к единице да одна в уме...».

Запутавшись в цифрах, я вскакиваю. Беру листок бумаги и начинаю все сначала. Придется проглотить еще одну пилюлю. Сон, кажется, снова возвращается ко мне, и я ложусь в постель. В голове опять проносится: «Если каждый месяц откладывать десять лир, сколько это составит в год? Квартирная плата вконец доконала меня... Не посчастливилось мне иметь на этом свете свою собственную крышу над головой».

На четвертые сутки я изнемог от бессонницы. Взял газету, надеясь, что она поможет мне уснуть.

На первой странице читаю сообщение: «В районе одной из площадей Стамбула продан земельный участок за четыре миллиона лир». «Четыре миллиона... Участок в тысячу шестьсот двадцать четыре квадратных метра». Я начал делить четыре миллиона на тысячу шестьсот двадцать четыре.

По натуре я человек легкомысленный, но всякого рода выкладки — моя слабость. Значит, один квадратный метр стоит две тысячи пятьсот лир?

«Что, если бы я вздумал купить этот участок?.. Четыре миллиона лир. Сколько я зарабатываю в месяц?.. Пятьсот».

Вошла жена.

— Ты все еще не спишь?..

— Отстань, видишь, я считаю! — резко ответил я ей.

«...Пятьсот в месяц... Сколько я смогу скопить, если поднажмусь? Да ничего. Ну, а все-таки? Допустим, каждый месяц я буду откладывать сто лир, в год получится тысяча двести. За десять лет — двенадцать тысяч, за сто лет — сто двадцать тысяч... Таким образом, если я проживу тысячу лет и буду откладывать по сто лир в месяц, я сколочу один миллион двести тысяч лир... Ничего не получается».

Я хотел во что бы то ни стало получить этот участок. Запели петухи.

У меня давняя страсть ко всякого рода подсчетам. Еще в школе я любил вычислять, за сколько миллионов лет я мог бы добраться до Луны, до Солнца, до Марса, если бы бежал без остановки. Из моих расчетов выходило, что дойти пешком до Солнца легче, чем купить этот участок.

Настало утро, а я все считал.

Не аидать мне этого участка, если даже я проживу три тысячи лет.

«Ну-ка сосчитаем, что получится, если я буду откладывать все пятьсот лир, которые зарабатываю? Тогда нужно работать еще ровно шестьсот шестьдесят шесть лет. Опять ничего не выходит».

Я снова проглатываю одну за другой две пилюли и ложусь в постель. Мысль о покупке участка не дает мне заснуть. Я снова поднимаюсь.

«Если в сутки вместо шестнадцати часов я буду работать все двадцать четыре, и мой заработок увеличится до тысячи лир, и я буду откладывать все до последнего куруша, то придется поставить

«Как же так, — раздумывал я, — ведь купили эту землю тоже люди, которые работали, зарабатывали, может быть, даже и не откладывали, не копили? Нет, копили, отказывая себе во всем. Они добились своего, отсчитали четыре миллиона и купили».

Нужно принять еще успокоительного. Глотаю еще пилюлю. Желудок мой, словно аптечный склад.

— Что с тобой? Успокойся, дорогой, приляг...

— Отстаньте вы все от меня!..

«Но как же все-таки человек, отсчитавший четыре миллиона, зарабатывал их? Надо это высчитать... К тому же надо учесть, что столько же по крайней мере у

«Если он за день примет десять человек, — это триста лир. В месяц девять тысяч... Если он из этого отложит шесть тысяч...»

Чтобы врач смог купить этот участок, ему нужно практиковать шестьдесят семь лет... Нет, нет, хозяином этого участка не может быть и врач! Тогда, может быть, купец, имеющий десять тысяч дохода каждый месяц...»

Я убедился, что владельцем участка не может быть так же, как и я, ни чиновник, ни врач, ни купец. Потом я подсчитал доходы инженера, подрядчика. Нет, и им не под силу.

— Вот уже пятую ночь ты не спишь... Приляг, может, заснешь.

Я кладу голову на подушку, глаза мои открыты. Попробуй-ка тут уснуть... Вдруг меня осенило:

«Это содержатель дома терпимости, капитал которого составляют пять пухленьких девиц... Если каждая девица будет приносить в день сто бумажек, пять раз по сто — пятьсот; тридцать раз по пятьсот — в месяц пятнадцать тысяч. Арендная плата, расходы, издержки... Допустим, на руки чистыми десять тысяч. В год — сто двадцать тысяч. В тридцать лет... Проклятье, и содержатель дома терпимости не сможет купить!.. А что, если заняться контрабандой? Это блестящая идея!»

Я вскакиваю с постели.

Опять расчеты, записи... Нет, и это не занятие.

В голове у меня молнией пронеслась новая идея. Я порылся в карманах и нашел двенадцать с половиной лир.

— Вывертывайте карманы! — приказал я своим домочадцам.

У жены нашлось пять, у детей — две лиры. Мы набрали девятнадцать с половиной лир...

«Не обязательно же покупать весь участок, я куплю часть. Один квадратный метр стоит две тысячи пятьсот лир, значит, я не могу купить целый метр. Квадратный дециметр — двадцать пять лир. И это не для меня. А у меня девятнадцать с половиной лир... Значит, на деньги, которые у меня в кармане, я могу купить несколько квадратных сантиметров».

Я посмотрел на часы, до утра еще оставалось два часа. Утром я пойду за покупкой.

«Отмерьте-ка мне семьдесят восемь сантиметров!» — скажу я.

Родные продолжают меня упрямить:

— Ну засни! Поспи немного!..

«Семьдесят восемь квадратных сантиметров своей собственной земли! Когда я засну вечным сном, то я не смогу уместиться на своей земле, мои ноги залезут в могилу к соседу. Что поделаешь, на своей собственной земле я могу находиться только в вертикальном положении».

— А вам не на что рассчитывать, — объявил я жене и детям. — Убирайтесь вон, позаботьтесь о себе сами!

— До чего довела его бессонница!.. — ужаснулись они и отступили со страхом.

И вам я посоветую: подсчитайте, как заработать эти четыре миллиона, сколько квадратных сантиметров земли вы сможете купить. Затем вы будете глотать кругленькие снотворные пилюли. И... мы с вами встретимся в шестой палате психиатрической больницы. Моя койка у двери.

Перевел с турецкого
Г. Александров.

ОТМЕРЬТЕ-КА НЕСКОЛЬКО САНТИМЕТРОВ

Азиз НЕСИН

Рисунок Вл. Гальба.

в известность моего хозяина, что для покупки участка мне нужно прожить еще триста тридцать три года!»

Моя дочка, взглянув на меня, воскликнула:

— Папочка!.. Что с тобой?

— Убирайся вон! — закричал я на нее.

Я не засну, если не куплю участка.

Тогда я начал считать наоборот. Каков должен быть мой заработок, сколько тысяч лир мне нужно откладывать, чтобы все-таки этот участок стал моим. Если я буду откладывать две тысячи лир в месяц, то он будет моим через сто шестьдесят семь лет. Пропали все пропадом! Я никогда не смогу купить его.

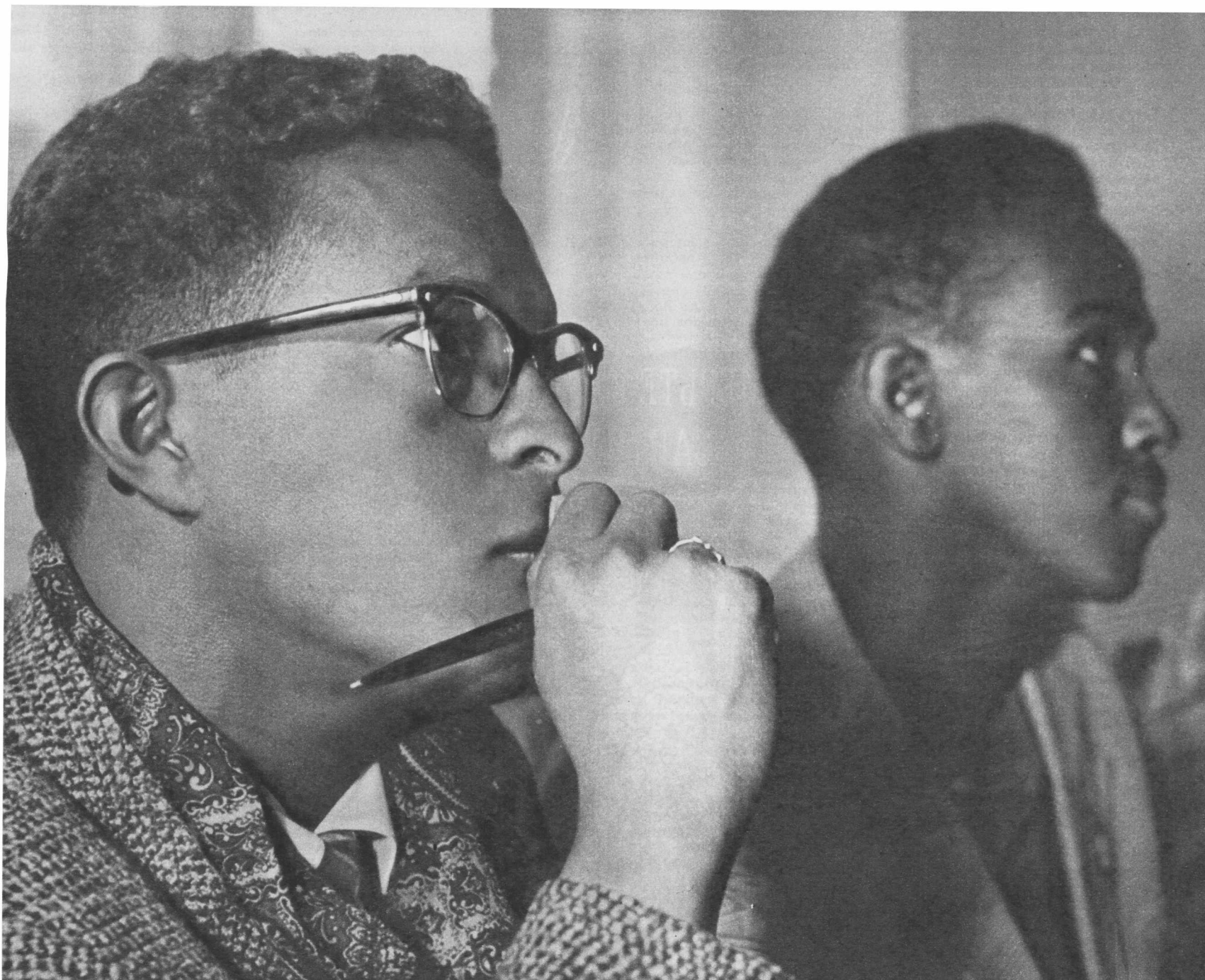
него могло остаться. Значит, восемь миллионов... Чем занимается этот человек? Самый высокопоставленный чиновник, согласно штатно-окладному расписанию, получает в месяц максимум тысячу пятьсот лир. Чтобы собрать четыре миллиона, он должен, не дотрагиваясь до жалованья, откладывать его двести семьдесят шесть лет подряд!

Черт бы все побрал, у меня сейчас лопнет голова!

«В крайнем случае покупателем может быть врач. У врачей большие доходы. Предположим, он получает с каждого пациента тридцать лир...»

— Уже утро, поспи немного...

— Не сбивайте меня, говорю я вам!..

Сомалийский юноша Ахмед Хуссейн окончил два курса в Римском университете. Завершить свое образование он во что бы то ни стало хочет в Москве.

14-й

С. Фридлянд

«Са-ша, ка-ша. Шут-ка, жут-ко...» — доносится из-за неплотно приоткрытой двери голос педагога. Ему вторят ученики. Неуверенно, ошибаясь в ударениях, произносят они двухсложные слова из школьного букваря. Мы в начальной школе? Нет, конечно! Да она и немислима в стенах Московского университета.

Приоткройте дверь и вы увидите не вихрастых пригитовишен, а взрослых людей, упорно, увлеченно изучающих русский язык. Вы увидите итальянцев, сомалийцев, французов, египтян, индийцев... Флаги многих наций могли бы развеиваться в аудиториях нового, созданного в этом учебном году 14-го по счету факультета столичного университета.

Черные, белые, желтые лица... Все напряженно вслушиваются в трудные звуко сочетания неродного языка. Он им необходим.

— Нужен «до зарезу», — сказал нам доктор физических наук индеец

— Я в Москве всего месяц, но уже влюбилась в нее, — сказала нам аспирантка из Бомбея Пратиба Натх. — Советская столица становится Меккой для людей науки.

ФАКУЛЬТЕТ

— Скажу откровенно, русский язык трудноват для нас, непальцев. Но как он богат и красив! Это я уже сейчас чувствую. Из Москвы на родину я вернусь инженером. И там мне понадобится русский язык, чтобы следить за развитием современной техники! — закончил свое краткое интервью Гоураб Нариншиг Рана.

Нареш Чандра Варшнея. — Я окончил Геттингенский университет, но этого мало. На переднем крае науки сейчас советская ядерная физика, и я мечтаю поучиться у русских профессоров...

Не так давно, всего тридцать — сорок лет назад, говоря о каком-нибудь деятеле русской науки, уважительно добавляли: он получил образование в Германии, Англии, Италии...

Как сказал Никита Сергеевич Хрущев, «мы сейчас вышли на передовые позиции в мире в области развития науки и техники!». В наши дни так много желающих учиться в Советском Союзе, что понадобилось открыть подготовительный факультет русского языка. Сотни разноплеменных студентов — с дипломами и без них, с учеными званиями, полученными в иностранных университетах, — начинают здесь свой путь к вершинам советской науки и техники с обыкновенного школьного букваря.

— Шют-ка, жютка... Оказывается, не так уж трудно, как мне говорили в Ла-Плате, если, конечно, поработать как следует, — смеется аргентинка Нелли Патти. — Что я буду изучать в вашей стране? Медицину.

Каштан, посаженный Владиславом Гомулкой на Малаховом кургане.
Фото автора.

ДЕРЕВЬЯ — ПАМЯТНИКИ СЛАВЫ

Малахов курган — памятник воинской славы Севастополя. Здесь во время Крымской войны был смертельно ранен адмирал В. А. Корнилов. Севастопольская панорама устроена так, что, рассматривая ее, зритель находится как бы на Малаховом кургане.

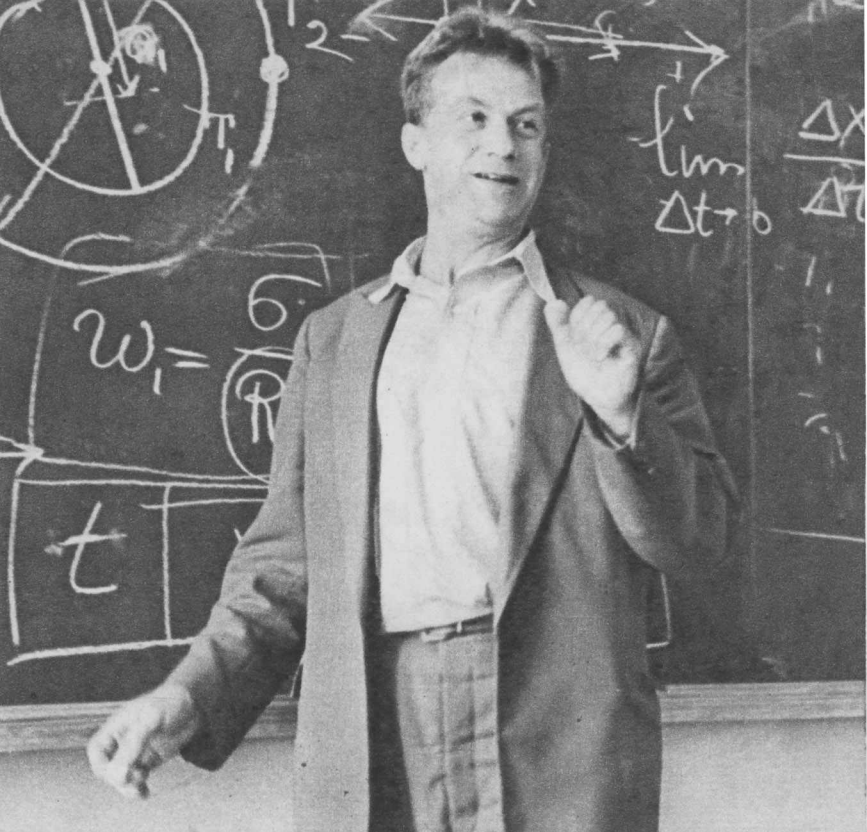
Во время Великой Отечественной войны на Малаховом кургане защитники города-героя совершили бессмертные подвиги. Легендарный курган был изрешечен минами и снарядами так, что на нем оставалось всего несколько кустиков.

Прошло пятнадцать лет. Израненные кусты выросли в молодые, стройные деревца. Севастопольцы огородили их металлическими решетками и свято оберегают. Они рядом с «аллеей героев», которую посадили руководители социалистических государств, посещавшие Малахов курган.

Тут растут орех, посаженный Никитой Сергеевичем Хрущевым, платан — Хо Ши Мином, катальпа — Вильямом Широким, мыльное дерево — Ференцем Мюннихом, грецкий орех — Георгию-Дежем. Рядом шумит листва деревьев, посаженных членами китайской и чехословацкой правительственных делегаций.

А. КРИВЕЛЬ

С этой лекции по математике академика Сергея Львовича Соболева впервые начались рабочие дни НГУ.

ЗАРЯ НАД ОБСКИМ МОРЕМ

Геннадий ПОСПЕЛОВ,
старший научный сотрудник Сибирского
отделения Академии наук СССР

Фото Б. КУЗЬМИНА.

По-морскому шумит Обское море. В ветреную погоду его волны лихо заламывают белые пахахи пены и с грохотом бьют в бетонный панцирь плотины, в высокий берег «академического» Бердского залива. Море уже успело повзрослеть, приобрести горизонт без берега вдаль. Таким его видно через широкую полосу леса из верхних этажей институтских зданий научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР. Чтобы познакомиться с городком, надо свернуть с Бердского шоссе и пройти, скажем, по Университетской улице, по которой любят гулять первые местные жители. Улица эта широка, еще без домов, с гладким бетонным полотном. Через лес она ведет в центр городка. Однако самого центра еще нет. Выстроен квартал трех- и четырехэтажных жилых домов, можно увидеть красивое, светлое здание школы, счастливо отпраздновавшей новоселье: 1 сентября здесь начали учиться первые школьники.

Если отсюда пройти по длинной внутренней бетонной дороге на запад — туда, где у старого разезда «Сеятель» шумят железнодорожные составы, то можно попасть в густообжитую местность.

Над всей территорией строительства хозяевами положения высятся солидные здания институтов. Их будет пятнадцать, пока есть три. Выше всех расположена большая светлая глыба Института гидродинамики. Строгие и четкие линии этого первенца среди научных институтов как бы задают тон будущему архитектурному ансамблю. Более многогранные контуры Института геологии и геофизики, усложненные пристрой-

кой геологического музея. Высоким параллелепипедом поднимается здание Института физики, окруженное приземистыми строениями. Растут лабораторные корпуса.

К этим зданиям приковано главное внимание строителей и ученых. Здесь формируется мозг научного городка. Сюда скоро будут переезжать научные лаборатории. Начало уже сделано Институту гидродинамики: он первым стал в строй.

Когда Никита Сергеевич Хрущев останавливался в Новосибирске по пути из Пекина в Москву, он побывал в Академгородке. Радостным и знаменательным событием было это посещение для ученых Отделения и строителей городка.

Аборигены из Золотой долины

Не так давно на луга, где ныне стоит Институт гидродинамики, приходили пастись лошади. Их много в лесостепях под Новосибирском. Первый строительный шум не отпугнул зверей. Высокие смелые горбоносые лесные жители иногда появлялись вблизи стройки и настороженно издали глядели: что делают люди с облюбованным ими местом? Как бы извиняясь за то, что пришлось нарушить лошине пастбище, люди привозили зимой для лошадей и лошади сено, и они мирно жевали его в тихие часы, задумчиво шевеля большими ушами.

Из железа, бетона и камня строился на открытой ветрам высоте Институт гидродинамики. К этому времени сюда приехал его директор — академик Михаил Алексеевич Лаврентьев с

семьей. Здесь собрались его молодые ученики — аспиранты, научные работники.

Молодежь, которая появилась осенью, увидела пылающую багрянцем и золотом долину, уходящую к синеватым далям Обского моря, и назвала ее Золотой. В Золотой долине начал создавать свою лабораторию скромный, но полный энергии Богдан Войцеховский. Приехал сюда деятельный Эльмар Антонов, деловитый и подвижной Владимир Кудинов, рослый, ставший грозой местных волейболистов Андрей Дерибас. Появились здесь математики — застенчивый Лаврентьев-младший, светящийся добродушной улыбкой Павел Белинский. Из далекого Пекина прибыл на заимку проходить аспирантуру всегда аккуратный, внимательный и настойчивый Сунь Цао.

Потом заимка разрослась. Появилась столовая. Организовали детский сад. Жизнь стала входить в обычную колею.

Но вот выросли в городке большие каменные дома, и заимка начала пустеть. Лаборатории засобирались в новое здание. Началась полоса переездов.

Институты двинулись в Академгородок

В отстроенные дома потянулись из Новосибирска машины с вещами новых жильцов — работников институтов. Переезжали старшие и младшие научные сотрудники, лаборанты. Не дожидаясь коттеджей, переехали в малометражные квартиры академик Ю. Н. Работнов, академик П. Я. Кочина, оставшая пока вчужа в Москве.

А в Институте гидродинамики началась страдная пора. Превратившись временно в грузчиков, научные сотрудники и лаборанты вместе с рабочими начали наполнять его бесчисленным оборудованием, мебелью, налаживать и

пускать в ход лабораторную аппаратуру.

Еще вчера большой дом с большими окнами, спешно переделанный под главное здание СОАН в Новосибирске, слыл инкубатором новых институтов. Институты постарше возрастом прикрепляли на дверях многочисленных комнат бумажные вывески своих лабораторий. Институты помоложе, которые явились на свет с некоторым опозданием, тоже делали бумажные вывески, но только не лабораторные, а институтские. Комната — институт, комната — институт. На протяжении одного коридора — целая академия!

Теперь этот дом становится «перевалочной базой» для институтов. Отсюда они начинают свое движение в городок, по-братски деля в нем новые рабочие площади. Переезд подготавливается как генеральное наступление — с накоплением сил и техники, которая поступает в Сибирское отделение со всех концов Советского Союза, из разных стран мира. Из центральных городов в Новосибирск на временные, «перевалочные» квартиры приехали уже восемнадцать академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР.

«Великое переселение ученых народов», как в шутку называют здесь полосу переездов научных институтов из Новосибирска в Академгородок, началось! И это главное в жизни Сибирского отделения Академии наук СССР сегодня.

Новосибирский университет

Недавно в большом концертном зале Новосибирского театра оперы и балета состоялось торжественное открытие Новосибирского университета. Профессор М. М. Соколов, проректор МГУ, поздравивший от имени самого старого русского университета самый молодой, сороковой в стране уни-

«Абориген» Золотой долины — старший научный сотрудник Института математики Павел Петрович Белинский — на прогулке со своими детьми.

«Летописцы» Академгородка Рашид Ахмеров и Борис Пермяков неустанно ведут свою кино-летопись.

←

Академик Пелагея Яковлевна Кочина приехала из Москвы в сибирский Академический городок. Она будет здесь жить и работать.

Институт гидродинамики вступил в строй.

В обеденный перерыв молодые каменщики-строители Академгородка Владимир Кулько и Геннадий Чеботаев раскрыли учебник алгебры: надо окончить вечернюю школу, а потом — в университет.

верситет, сказал, что последнему предстоит обогнать своих старых «коллег». И это были не просто лестные слова, любезно произнесенные по поводу торжественной церемонии. Новый университет родился в особых условиях и в небывалое время. Как заметил о нем один из ораторов, применяя недавно возникшее новое понятие, университет «запустили», запустили под гром космических ракет, возвестивших начало невиданного взлета науки.

Его главная особенность в том, что он звено крупнейшего комплексного научного центра. Недаром его инициаторами и организаторами были «основоположники» Сибирского отделения Академии наук СССР академики М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович и С. Л. Соболев, а его первым ректором стал крупный ученый — академик И. Н. Векун. Недаром для чтения основных курсов привлекаются выдающиеся специалисты, возглавляющие научно-исследовательскую работу в отделении.

В спокойное, солнечное, горящее золотом осени утро 28 сентября первые сотни студентов дневного отделения университета (здесь есть и вечернее отделение для работающих) собрались в его большую аудиторию, с любовью отделанную строителями. Из ее светлых окон им открылась широкая панорама строительства Академгородка и сияющий яркими красками лес, в котором скоро будет начато строительство университетского района. Шесть лет назад замечательный математик и вдохновенный лектор академик Сергей Львович Соболев читал первую лекцию в день открытия Дворца науки на Ленинских горах. Теперь он открыл своей вводной лекцией по математике учебную жизнь Новосибирского университета.

Нелегкий предстоит сделать путь тем, кто с трепетным волнением переступил сегодня порог его аудитории. В отличие от других вузов студенты НГУ на втором курсе будут получать двойную оценку — оценку знаний и оценку способностей к научно-исследовательской работе. Те, которые с честью выдержат двухлетнюю проверку, перешагнут на третий курс и дальше будут проходить, кроме обычного, еще специальное обучение, научно-исследовательское, непосредственно принимая участие в жизни лабораторий.

...Звонят в городке студенческие песни. Те, кто поет их, собрались сюда из Новосибирска и Кемерово, Омска и Красноярска, Куйбышева и Колымы, Ленинграда и Владивостока. Многие молодые голоса уже звучали здесь до этого. Их слышали строительные краны и зеленые кроны сосен. Это голоса строителей Академического городка, пришедших сюда два года назад работать и учиться. Это от их имени первокурсник Юрий Ромашенко, бывший монтажник Академстроя, ероша кудрявые волосы, сказал об университете в день его открытия:

— Еще не построив его, мы любили его. Работая, думали о нем. И вот теперь думаем, чтобы не ударить лицом в грязь, чтобы энергия, затраченная на нас, окупилась полностью...

Яркая заря встает над Обским морем, заря нового города науки.

Пять дней в борьбе

Игорь НОВИКОВ,
трижды чемпион мира по
современному пятиборью

Несколько слов перед стартом

Конечно, если я начну с того, что расхвалю свой любимый вид спорта как самый лучший, самый мужественный и красивый, — каждый, вероятно, вспомнит пословицу насчет кулика и болота. Но, честное слово, все именно так и есть.

У нас современное — или, как его иногда называют, офицерское — пятиборье начало культивироваться лишь с 1952 года. А между прочим, вот уже четвертый раз титул чемпиона мира завоевывают советские спортсмены.

Это неспроста. Пятиборье полюбилось своим разнообразием, тем, что оно требует от человека всестороннего развития. Оно по душе народу широкому, смелому, предприимчивому.

В 1957 году мне посчастливилось принять эстафету у моего товарища Константина Сальникова — чемпиона мира по пятиборью 1955 года. Следующий год опять был удачным для меня.

И вот Америка, Соединенные Штаты, маленький курортный городок Херши, в двухстах километрах западнее Нью-Йорка. Здесь разыгрывается чемпионат мира 1959 года.

Эти дни совпали с пребыванием Никиты Сергеевича Хрущева в США, и надо ли говорить о той особой популярности, которой пользовалась советская команда! Исторический визит повлиял даже на стиль западных спортивных журналистов. В своих корреспонденциях с чемпионата

они, например, часто использовали образные выражения Никиты Сергеевича из его выступлений. Нас принимали как земляков человека, который был самым большим гостем американцев.

Итак, Херши, 26 сентября.

На рыжем Питере

Пятиборье начинается со скачек, вернее, с конного кросса.

И вот каждый из нас, тридцати девяти спортсменов из тринадцати стран, должен вынуть свой жребий. Вместе со мною стоят в строю мои товарищи — ленинградцы Александр Тарасов и Николай Татаринов.

Трассу мы смотрели, как положено, еще вчера, а лошадей будем смотреть сейчас, за час до старта. Вот они, буланные, вороные, рыжие, гнедые. Только в одном они схожи: все лошади — полицейские, предоставленные в наше распоряжение полицией штата Пенсильвания. Во всех других отношениях не найти двух одинаковых. Лошади — под номерами.

Мы тоже имеем раз и навсегда присвоенные нам номера. У меня — 16-й.

Начинается жеребьевка. Надо определить, кому какая лошадь достанется. Каждый тянет свое «счастье».

Мне скатать второму. Моя лошадь № 6. Зачитывают ее «личное удостоверение». В нем сказано: кличка — Хершийский Питер, масть — рыжая.

Характеристика: очень любит прыгать через препятствия, но нерезвый, не любит быстро бегать.

Моего Питера проводят перед строем, чтобы все с ним официально познакомились. Я смотрю

на него, рыжего, и думаю: чем-то ты меня порадуешь на трех с половиной километрах трассы? Любость к прыжкам — это, конечно, ценное качество: ведь на пути будет 18 различных препятствий: тут и забор, и банкет, и тройник. Но скорость не менее важна: если спортсмен не укладывается в контрольные семь минут, ему за каждую лишнюю секунду начисляется 4 штрафных очка.

За пятнадцать минут до старта разрешается подойти к лошади и сесть в седло. Питер оказался добрым, веселым конем, он принял седока с большим удовольствием.

И вот моя очередь выйти на дистанцию.

Пронюхусь по прямой, через кустарник, беру первое препятствие. Питер ведет себя превосходно. Еще одно препятствие — тройник, три бревна. Питер чисто проходит над ним. (В скобках замечу, что в последний день соревнований возле этого самого тройника со мной случилось несчастье, о котором я еще расскажу.)

Половина дистанции пройдена хорошо. Но когда до финиша оставался примерно километр, Питер резко снизил скорость. И по всему я чувствовал, что гнать его нельзя, а то, чего доброго, окончательно «сдохнет» и не дойдет до финиша. Я опоздал на 35 секунд. Значит, «получил» 140 штрафных очков. Эти штрафные вычитаются из тысячи очков, которые как бы авансом даются каждому, выходящему на старт. Итого у меня 860 очков.

Оставалось утешаться лишь тем, что меня хотя бы миновала печальная участь члена швейцарской команды, который перевер-

Заплыв на триста метров.
Фото М. Боташева.

нулся вместе с лошадью на одном из препятствий и выбыл из дальнейших соревнований.

Николаю Татаринову тоже не повезло: он упал и сильно повредил плечо...

Итак, после первого дня я отставал от венгра Андраша Бальцо, которого считал своим главным соперником, на 256 очков. Многовато!.. У меня двадцать первое место...

Со шпагой и пистолетом

По нервной напряженности самым трудным для пятиборца, пожалуй, всегда бывает второй день, когда на фехтовальной дорожке звенят клинки шпаг.

Тридцать семь раз должен каждый из нас скрестить оружие с противником. Бой — на один укол. И в этой формуле — причина особой нервозности. Ведь если фехтуешь, скажем, до пяти уколов, то, получив даже два, еще имеешь возможность отыгаться. А тут всего одна ошибка — и уже никакого реванша.

Если спортсмен выигрывает 28 боев — семьдесят пять процентов всех фехтовальных состязаний, — ему начисляется тысяча очков. Если меньше, то за каждый пропущенный укол из круглой цифры вычитается 35 очков. И наоборот, за каждый «сверхплановый» укол столько же прибавляется.

Скажу прямо, панихидные комментарии прессы по поводу моего результата в конном кроссе не вселяли в меня уверенности. Но надо бороться.

После пятой победы я успокоился, появилась та льдинка в душе,

которая позволяет действовать расчетливо и хладнокровно. По-прежнему держу на примете Андраша Бальцо, хотя пока что более сильными соперниками выглядят другие: аргентинец Риера, член команды США Миллер, бразилец Мальта, мексиканец Альмада. И, конечно, мои товарищи по команде, особенно Александр Тарасов.

Один из самых трудных боев — с Бальцо. Он не спешит идти в атаку, приглядывается, прощупывает меня. Наконец атакует, я защищаюсь успешно, но контратаковать не успеваю. Теперь наступая я — Бальцо отходит.

Время, отпущенное на поединки, истекает, осталось меньше полминуты. Если никто из нас не нанесет укола, — обоим засчитают поражение. Но мне нужна победа, особенно сейчас, когда передо мною на дорожке мой главный соперник! Андраш снова атакует. Контратака! Подобно Сирано де Бержераку, «и я попал в конце посылки».

Двадцать девять побед дали мне 1035 очков. Бальцо завоевал значительно меньше. Я обогнал его и занимал теперь третье место. Дела как будто бы поправились!

Но... К сожалению — или к счастью, — от этого «но» не застрахован никто. Успех, который принесла шпaga, я сам же и расстрелял в пух и прах из пистолета.

Стрельба по силуэту велась на третий день. Оружие — пистолет произвольного образца (я предпочитаю марголинский мелкокалиберный). Дистанция — двадцать пять метров. Четыре серии по пять выстрелов. Время на выстрел — три секунды.

Первая серия идет плохо. Волнуюсь.

Второй выстрел во второй серии выбивает меня из колеи. Случилось вот что.

Я нажал на спуск, боек щелкнул, но выстрела не получилось. Поднимаю руку, делаю знак судьям. Пистолет берут у меня и несут к судейской коллегии — проверить, в чем дело.

Осечка? Если да, то плохо, ибо при вторичной осечке спортсмен лишается этого выстрела. Однако половина шансов еще не потеряна.

Но не исключен более плохой вариант: могло случиться, что очередной патрон не подался, и я произволил выстрел с пустым патронником. Тогда мне сразу не зачтут выстрел, а это значит оказаться на одном из последних мест.

Пока судьи осматривали пистолет, пришлось пережить несколько неприятных минут. Все-таки оказалась осечка! Стреляю вторично. Мушка пляшет в прорези прицела...

Так до самого конца последней серии мне и не удалось обуздать эту проклятую мушку.

Пистолетная стрельба отбросила меня на общее восьмое место. Зато мои товарищи стреляли отлично, и наша команда выиграла этот день. Шансы Бальцо и Александра Тарасова стали расцениваться очень высоко. В общем командном зачете мы все же отставали: впереди были спортсмены Соединенных Штатов Америки.

На воде и на суше

Четвертый день — плавание.

Подсчеты перед соревнованиями были невеселые. Если Бальцо пройдет дистанцию на 15 секунд лучше — а ему сделать это не так уж трудно, — то мне о титуле чемпиона мира можно будет не думать. В последний день предстоит четырехкилометровый кросс по пересеченной местности, и Андраш очень силен в этом беге: на прошлых соревнованиях он иногда выигрывал у меня в кроссе по 20—30 секунд.

После таких выкладок плыть триста метров, да еще раньше Бальцо, — дело скверное. Воду воспринимаешь как своего личного врага, сквозь которого надо пробиться во что бы то ни стало.

Что такое триста метров? Боюсь, что читатель уже устал от цифирей, но у спортсменов счет идет на секунды и метры, и тут уж ничего не поделаешь. Триста метров вольным стилем — это приблизительно сто вдохов и выдохов, тысяча гребков. Больше ничего не скажешь.

Я проплыл дистанцию за 3 минуты 56,9 секунды. Бальцо — лишь на 9 секунд быстрее. Надежда на титул чемпиона осталась.

Игра «вверх и вниз» продолжалась: я передвинулся с восьмого на четвертое место, а Бальцо — со своего несчастливого тринадцатого на мое восьмое.

Командой мы наконец обошли американцев и возглавили таблицу.

Пятый день — венец пятиборья. И вот с утра в этот день все специалисты были убеждены, что Новиков может стать чемпионом только в том случае, если произойдет чудо, причем это чудо должно быть по калибру равноценно воскресению из мертвых, не меньше.

Не знаю, можно ли назвать чудом то, что произошло на дистанции. Расскажу по порядку.

Старт на четырехкилометровом кроссе дается отдельно, с интервалом в одну минуту. По жребию я должен был бежать тридцать вторым. Вроде бы повезло, ибо я мог знать результаты своих соперников. Но Бальцо повезло больше: он стартовал позже меня.

Трасса размечена тонкой белой линией, какими размечаются гравийные дорожки на стадионах. От линии спортсмен может отклоняться не более как на два метра. На трудных участках трассы стоят контрольные створы — слева белый столб, справа красный, — и бегун обязательно должен пробежать между ними. Дистанция на многих участках совпадала с трассой конного кросса.

Когда я принял старт, у меня был отличный ориентир: Саша Тарасов, который бежал раньше, показал лучшее к тому моменту время — 14 минут 10,9 секунды.

В своих предсказаниях насчет кросса любители прогнозов основывались на моих результатах прошлых лет, которые были очень низкими. Но они не учитывали одного обстоятельства. Дело в том, что на прошлых соревнованиях мне не было необходимости выкладываться в кроссе до последних сил, так как обычно я в четырех предшествующих видах накапливал количество очков, достаточное для завоевания первого места. Теперь же вопрос стоял иначе, и требовалось отдать все.

...Сквозь кусты. По высокой траве, секущей ноги. Подъем. Скользкий спуск. Белая линия вьется по земле, как юркая змейка.

Конец первого километра. Вот стоит с секундомером в руке Костя Сальников. Сейчас он скажет, каковы мои дела. Очень важно знать, как бежишь, чтобы правильно «разложить» свои силы по дистанции.

— Лучше на пять секунд! — крикнул мне Сальников.

Это он имел в виду график бега Саши Тарасова.

Опять белая линия, как единственный рельс, ведет меня по трассе.

Второй километр на исходе. Тренер по конному кроссу Николай Шеленков поднимает мне на встречу руку и кричит:

— На десять опережаешь!

Если так пойдет и дальше, я выполню свою задачу. Что-то скажет мне на третьем километре старший тренер Арсен Петрович Соколов?

А вот и он.

— Двенадцать секунд! Продержись так!

Вперед, вперед! Финиш будет на стадионе, и надо не ударить лицом в грязь перед зрителями, пройти последнюю прямую в хорошем темпе.

Сейчас возле того места, где на конном кроссе был устроен заповнившийся мне тройник, будет поворот, и тогда до финиша останется метров пятьсот. Сильно отталкиваюсь правой ногой, чтобы рывком преодолеть небольшой подъем, и слышу странный звук. Словно разом оторвалась подошва на туфле.

Но нет, это не подошва. Нога начинает побаливать, сначала чуть-чуть. А через сто метров я уже не могу отталкиваться правой ногой, заметно хромаю.

Не знаю, что помогло мне все же прибежать на стадион и закончить дистанцию. Может быть, приветственные крики зрителей. И еще, наверное, то обстоятельство, что я не знал, какой характер носит повреждение.

Нина Григорьевна Федорова, врач нашей команды, подхватила меня под руку, усадила на скамейку, бросила короткое: «Разуйся», — быстро осмотрела ногу и куда-то ушла.

Объявили результат:

— Время Новикова — 13 минут 56,2 секунды.

Боль все росла, и уже ни о чем не думалось, кроме этой боли.

Нина Григорьевна принесла большой кусок льда и велела мне положить на него больную ногу.

— У тебя разрыв мышц свода стопы, — сказала Нина Григорьевна.

Тут как раз на стадионе появился Андраш Бальцо. Он бежал из последних сил, казалось, каждый шаг стоит ему громадного напряжения.

— Интересно, у меня такой же неважный вид на финише был? — спросил я у Нины Григорьевны.

Она посмотрела на меня молча, словно раздумывая: говорить или не надо? — и сказала:

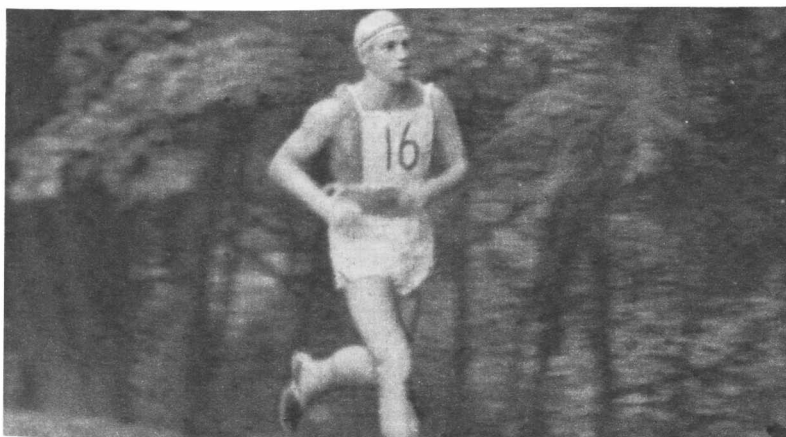
— Да, пожалуй, не лучше...

Бальцо показал 14 минут 8 секунд.

Я набрал наибольшее количество очков. Бальцо занял второе место, Тарасов — третье.

Друзья поздравили меня со званием чемпиона, а потом мы поздравили друг друга с тем, что советская команда снова завоевала первенство в этой трудной борьбе.

Литературная запись
О. Михайлова.

Игорь Новиков на дистанции кросса в Херши.
Фото Е. Талаева.

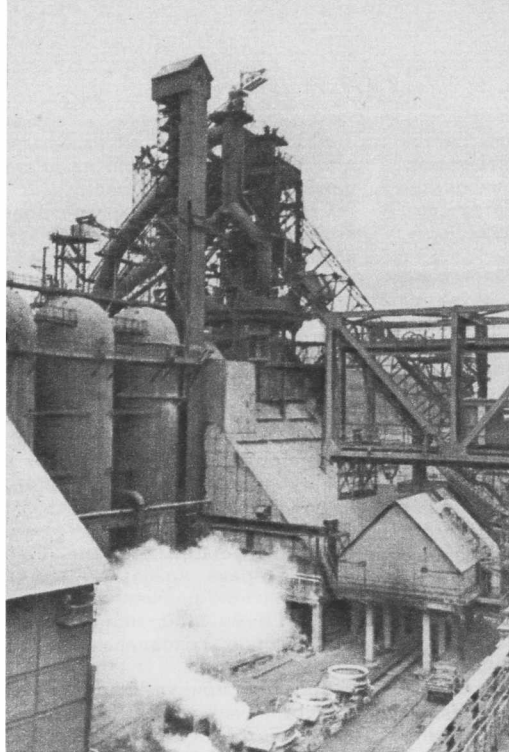

Андраш Бальцо, Игорь Новиков и Александр Тарасов.

ВОСТОЧНУЮ ЛИНИЮ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ СТАЛИНГРАД—МОСКВА, напряжением 500 киловольт, досрочно заканчивают монтажом на участке Кашира—Чагинская подстанция к 42-й годовщине Октября.

Фото Ф. Короткевича.

НА ДВА МЕСЯЦА РАНЬШЕ СРОКА закончено строительство одной из самых мощных в нашей стране доменной печи на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате.

Танов трудовой подарок строителей 42-й годовщине Великого Октября.

Фото И. Тюфякова.

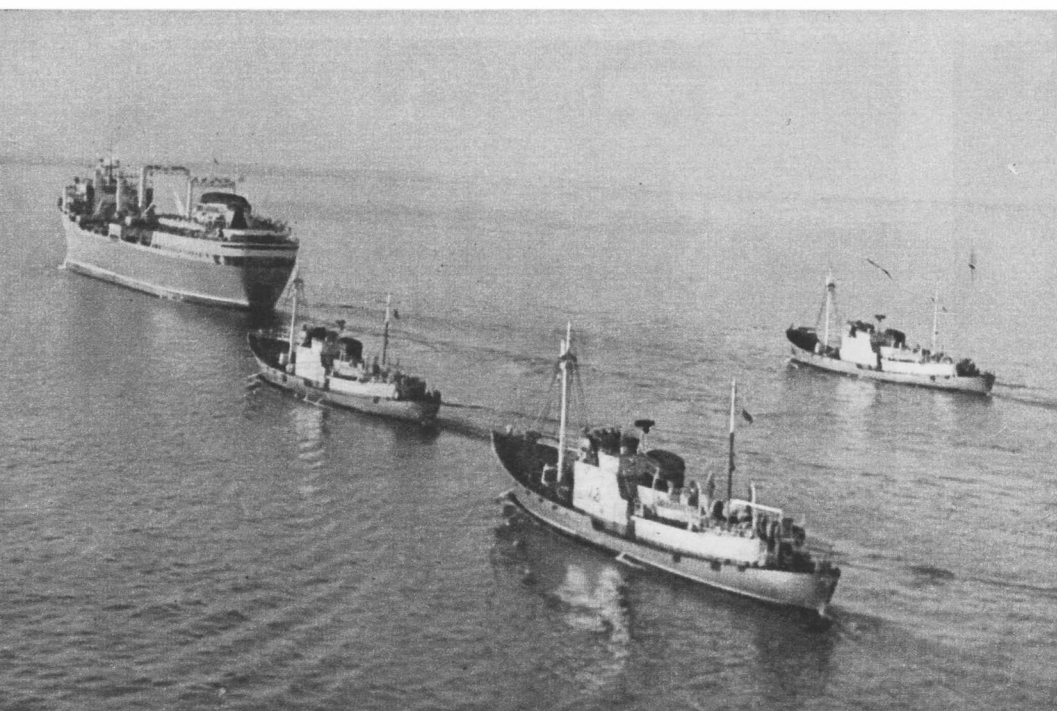
ВЫЕЗДНОЙ УНИВЕРМАГ В КЛУБЕ ЗАВОДА «КАЛИБР» открыли в предпраздничные дни работники магазинов Мосторга.

Фото К. Федорова.

В АНТАРКТИЧЕСКИЙ РЕЙС из Одессы вышла новая китобойная флотилия «Советская Украина». Флагмана флотилии — китобазу «Советская Украина» — сопровождают шестнадцать судов-китобойцев.

На с н и м к е: китобойная флотилия выходит из Одесского порта.

Фото В. Тарасевича.

Ждем матча Ботвинник — Таль

К финишу шахматного марафона первым пришел советский гроссмейстер комсомолец Михаил Таль. Двадцать восемь туров, почти 2 месяца борьбы, отличались исключительной напряженностью и остротой. В течение продолжительного соревнования только два участника матч-турнира претендентов соперничали за первое место: это М. Таль и П. Керес. Еще 26 октября, в предпоследнем туре, Керес имел реальные шансы догнать Талья. Необычайное волнение царило в этот день в зрительном зале. М. Таль оказался в трудном положении против Б. Фишера. Он получил плохую позицию, и приговор был почти единодушным: Таль проиграет эту партию.

Сомневающихся было немного. Войдя в комнату пресс-бюро, я услышал вопрос одного корреспондента: — Гроссмейстер Костиц, у Талья дела плохи?

Один из старейших югославских гроссмейстеров, Борис Костиц, ответил:

— Не торопитесь «хоронить» Талья. Он любит такие позиции, полные опасности и остроты. Ведь именно в них он чувствует себя как рыба в воде и проявляет поразительную изобретательность. Подождите три — четыре хода, и тогда я вам скажу свое мнение.

Гроссмейстер Костиц был прав. Через четыре хода Таль, отразив атаку Фишера, медленно, но верно обеспечил себе победу...

Итак, весной будущего года Таль будет играть с чемпионом мира Михаилом Ботвинником.

Большой успех, выпавший на долю молодого гроссмейстера (Талю только 23 года), вполне им заслужен. Таль занял первое место благодаря исключительной силе

своего дарования. Он обладает только ему присущим творческим почерком. Шахматный мир знает, что Таль охотно идет на жертвы, создавая спорные, не изученные еще позиции, разгадку которых за шахматной доской найти нелегко. Сам же Таль при помощи зоркого комбинационного зрения умеет проникать в глубь создаваемых им позиций и творчески живет в них.

Матч М. Ботвинник — М. Таль представляет большой интерес не только в спортивном, но в еще большей степени в творческом отношении. Многие предполагают, что встретятся два антипода, думая, что Ботвинник — это научность в шахматах, строгая логичность и боязнь отступить от вневременных законов теории. О, нет! Для того, чтобы быть чемпионом мира, этого в наше время было бы очень мало. Ботвинник всегда был и остается сегодня борцом, одетым в броню шахматной теории, но никогда не боявшимся острой тактической борьбы. Не нужно забывать, что в своей турнирной практике Ботвинник завоевал немало призов за красоту партий. Но о матче Ботвинник — Таль мы еще успеем поговорить...

Восхищение вызвал прекрасный результат, достигнутый гроссмейстером П. Кересом. Как я уже отметил, он был единственным соперником Талья в борьбе за первое место и боролся как настоящий шахматный богатырь.

По условиям соревнования второе место дает право П. Кересу участвовать в следующем матч-турнире претендентов на первенство мира, который состоится через три года.

В. РАГОЗИН

Острое оружие

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки
Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Я люблю веселых людей. Да и кто их не любит! Веселые люди украшают жизнь.

С одним таким весельчаком, неутомимым шутником и рассказчиком всяческих историй «из личной жизни» судьба свела меня в прекрасной Фергане, в городе, похожем на сад, через который протекает быстрая, шумная, как бы хохочущая горная речка.

Вот один из рассказов, который я услышал от моего узбекского друга:

«Когда люди узнают, что у меня восемь детей — пять мальчиков и три девочки, — некоторые поглядывают на меня с сожалением и сочувствием.

Напрасно, дорогие друзья, честное слово, зря!

Конечно, живем мы с женой, может быть, не так легко и беспечно, как бездетные и малолетние супруги, но зато весело. Ребята у меня дружные, хорошие; мальчики — типичные орлы, девочки — типичные горлицы. Правда, клюют эти орлы и горлицы — ой-ой-ой! — порядочно: сядем за стол — пять буханок хлеба как не бывало. Но тут уж ничего не поделаешь: природа! Растущий ребенок кушает, как лев. И это не афоризм, а сущая правда!

В общем, жить можно, надо только уметь приспосабливаться к обстоятельствам. Возьмем хотя бы вопрос одежды.

Как мы с женой решаем этот, не скрою, трудный вопрос применительно, скажем, к мальчикам?

Очень просто! Раз в году я покупаю хороший, дорогой костюм моему первенцу, моему старшему Юсупу, и новый детский костюмчик, какой подешевле и по возможности попроще, самому младшенькому, кудрявому Абдулле. Старый костюм Юсупа жена чистит, перешивает, укорачивает, и он делается как новый. И переходит на год к Ахмету.

Такой же операции подвергается старый костюм Ахмета — его надевает Вахид. Обновленный костюм Вахида уходит к Рахиму. А в старых штанах и курточке Рахима в будние дни проводит свои научные исследования Абдулла. Вы хотите знать тему его научной работы? Вот она: «Лазанье под деревьями и скатывание по лестничным перилам, как методы наиболее интенсивного продирания штанных тканей».

Не знаю, получит ли Абдулла степень кандидата наук за эту

свою научно-исследовательскую деятельность, но шлепки от меня он получает довольно часто!

Абдулла получает шлепки, а на его штаны кладется новая заплатка. И караван идет дальше!

С девочками, конечно, труднее. Тут нашему высшему семейному руководству, то есть мне и моей жене Саиде-Ханум, приходится иной раз ломать голову, но ничего, обходимся! Во всяком случае, наши горлицы не жалуются: оперение у них не хуже, чем у их подружек!

Короче говоря, если вы в будущем услышите, что в моей Саиде присвоено звание матери-героини, не удивляйтесь. Мы с ней давно решили, что нам нельзя останавливаться, как говорят ораторы, на достигнутых успехах по линии увеличения народонаселения страны вообще и нашего солнечного Узбекистана в частности. Где восемь, там и десять! И это не афоризм, а сущая правда!

Однако прямо вам скажу, что быть отцом такой семьи, как наша, не простая штука. Тут я имею в виду не материальные, а скорей моральные трудности. Вот послушайте-ка, что со мной случилось недавно.

Полгода тому назад, когда вся наша семья сидела за обеденным столом — как сейчас помню, это было в воскресенье, в выходной, — мой старшина, Юсуп, обратился ко мне и сказал:

— Папа, мы решили выпустить семейную стенгазету. Ты ничего не имеешь против?

Ну, конечно, я, как газетный работник, понимающий, что стенная печать является острым оружием в борьбе с недостатками, ничего против не имел и горячо поддержал идею Юсупа:

— Хорошая мысль, сынок! У нас в семье еще имеются недостатки и по линии быта и по линии учебы. Рахим опять принес двойку по арифметике. Вот вам прекрасная тема для серьезного критического выступления в стенной печати!.. Абдулла, сейчас же вынь свой указательный экскаватор из носа, если не хочешь попасть в первый номер газеты!.. Я тебя назначаю главным редактором, Юсуп! А как мы назовем нашу стенгазету?

Со всех сторон посыпалось: — «За боевую семью», «Семейный спутник», «Семейная ракета»...

Но тут в дверях столовой по-

явилась Саида-Ханум с огромным блюдом дымящегося плова в руках, и я сказал:

— Наша стенгазета будет называться «Горячий плов».

Все захлопали в ладоши, и мое предложение было принято.

И наша семейная стенгазета «Горячий плов» стала выходить. Аккуратно! Два раза в месяц! Вывешивает ее Юсуп в нашей столовой. Хорошая стенгазета, ведется на высоком идейном уровне.

Однажды — это было тоже в воскресенье — я сижу после обеда на веранде, курю и собираюсь немножко подремать. И вдруг ко мне подходит Юсуп. Лицо очень серьезное и какое-то такое смущенное.

— Папа, мне надо с тобой поговорить по делам «Горячего плова».

— Давай, сынок, поговорим.

— Папа, дело в том, что на тебя поступил материал. Как быть?

— Какой материал?

— Папа, ты знаешь, какой!

Я действительно знал, какой материал мог поступить в редакцию «Горячего плова». В четверг после работы я зашел по дороге домой к одному товарищу, и мы немножко выпили. Моя Саида-Ханум очень не любит, когда я прихожу навеселе, и поэтому я всегда стараюсь сделать так, чтобы она ничего не заметила. И в этот четверг я тоже проявлял, как говорится, бурную активность, дабы усыпить бдительность Саиды-Ханум и показать ей, что я настоящий, высокоморальный, а главное, трезвый отец.

Я стал лично проверять академические успехи своих орлов и горлиц. И тут выяснилось, что у Рахима не выходит задача, которую задал преподаватель на дом.

— Иди ко мне, великий математик, будущий новый Улугбек, — сказал я своему мальчику, — так и быть, я помогу тебе. Какие условия? Ага, колхозник привез на базар двадцать пять килограммов лука, двенадцать килограммов персиков и так далее... Сейчас мы с тобой это решим.

Раз, раз! Я помножил, сложил, разделил и сказал Рахиму:

— На, сынок, запиши результат, но помни, что я решал за тебя задачу в первый и в последний раз!

Рахим записал и в пятницу принес из школы двойку, потому что, будучи навеселе, я не так складывал, не то умножал и не на то делил!

Подумав, я сказал Юсупу:

— Критика и самокритика — святое дело. Раз материал поступил и он правильный, надо давать в газету! Только скажи мне, Юсуп, солнышко мое, кто автор заметки?

— У него псевдоним — Экскаватор.

— Я не буду его преследовать, Юсупчик, радость моя, но все-таки скажи: кто же он, этот Экскаватор?

— Это Абдулла!

— Абдулла! Да ведь он, сопляк, еще не умеет ни читать, ни писать!

— Неважно, папа. Рахим рассказал ему первому про свое несчастье, и Абдулла пришел в редакцию и сказал, чтобы мы обработали его устную заметку.

— А кто обработал?

— Вот это уже редакционная тайна, папа!

Что мне оставалось делать? Я махнул рукой и сказал:

— Помещайте материал!

Однако Юсуп не угодил.

— Этого мало, папа. Ты знаешь порядок нашего «Горячего плова». Ты должен написать письмо в редакцию, что признаешь критику правильной и даешь клятвенное обещание не допускать повторения подобных ошибок.

Пришлось тут же написать письмо в редакцию «Горячего плова». Я признал критику Экскаватора правильной и поклялся, что больше в рот не возьму белую.

На следующий день после выхода стенгазеты с моим покаянием мы с Саидой-Ханум были приглашены на день рождения к нашим друзьям Бабиджановым.

Хозяин дома налил мне стопку водки, но я только посмотрел на нее с сожалением и отодвинул в сторону.

— Что с тобой, друг? — спросил меня Бабиджанов.

Я рассказал свою печальную историю.

Тогда Бабиджанов, мудро улыбаясь, взял чайник и подкрасил мою водку чаем.

— Ты дал клятву не пить белую, — сказал Бабиджанов, — пей желтенькую.

И я уже поднес стопку ко рту, но Саида отобрала у меня стопку и под общий смех сказала, что если я выпью желтенькую, она сама напишет про меня в «Горячий плов» и назовет свою заметку «Клятвопреступник тире очковитатель».

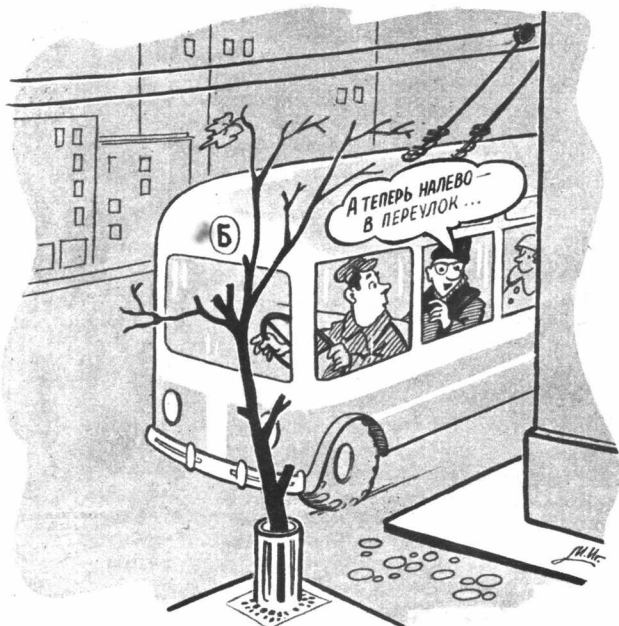
Весь вечер я пил теплый сладкий лимонад и думал, что сладкое в жизни иногда отдает горьким. И это не афоризм, а сущая правда!

...На днях мы будем отмечать выход в свет двенадцатого номера «Горячего плова». Приходите! Будет шурпа, будет шашлык, будет плов. И лимонаду сколько угодно!»

Ппустила «петуха».
Рисунок Вл. Гальба.

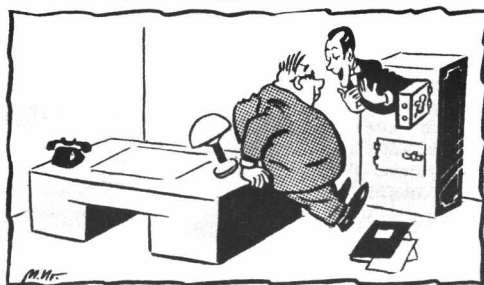
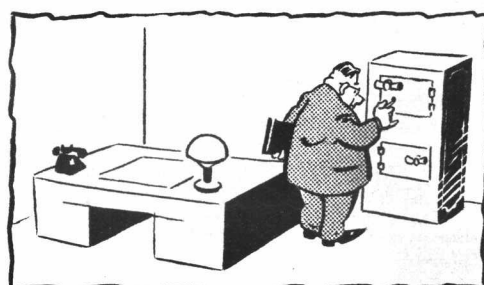
Он привык ездить в такси.
Рисунок И. Массина.

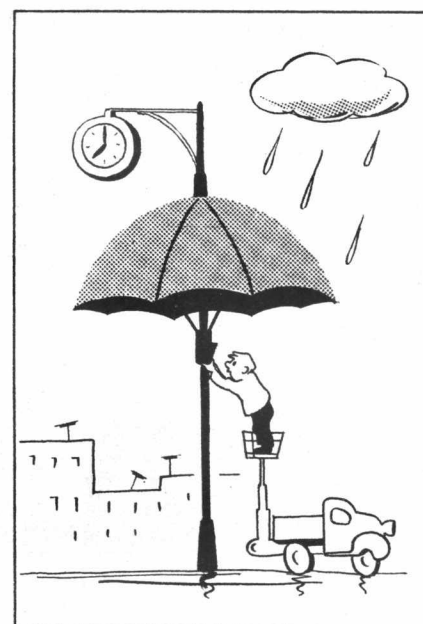
Модница.
Рисунок В. Черникова.

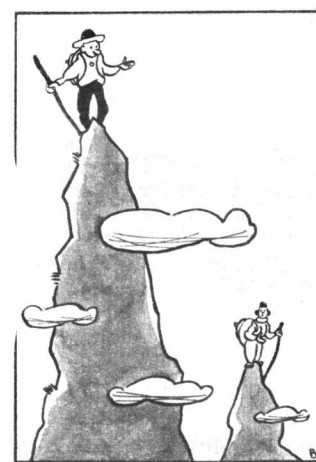
— К сожалению, иллюзионисты нам не нужны...

— Простите, я не расслышал, что вы сказали?..
Рисунок И. Массина.

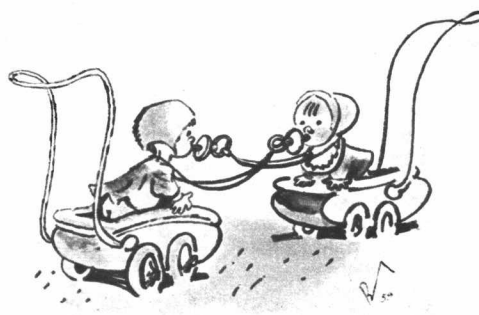
Для влюбленных.
Рисунок М. Ушаца.

— Она опять перепутала место свидания.
Рисунок М. Вайсборда.

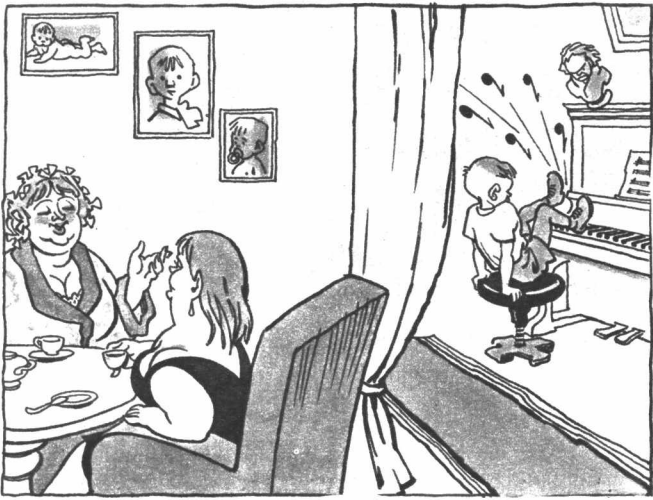
Без слов.
Рисунок М. Ушаца.

Брудершафт.
Рисунок Вл. Гальба.

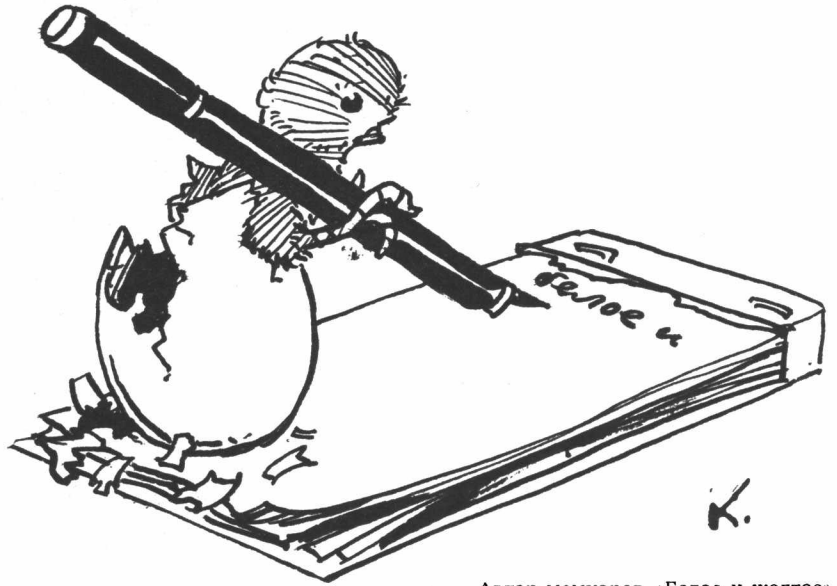

Коллеги.
Рисунок Гр. Оганова.

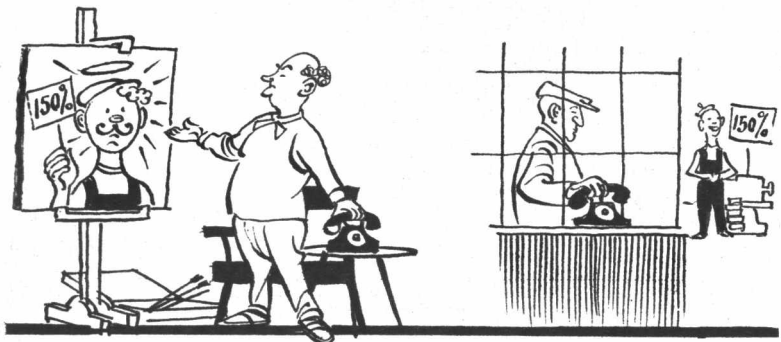
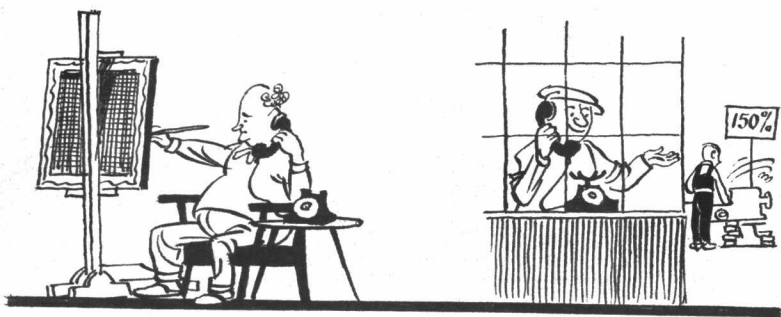
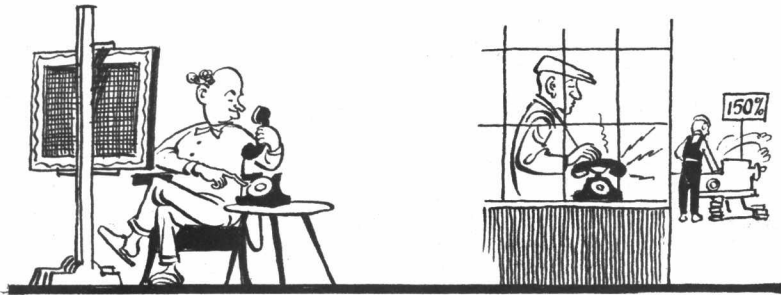

— Не правда ли, дорогая, у нашего Петеньки удивительный слух!

Рисунок Л. Самойлова.

Автор мемуаров «Белое и желтое».
Рисунок А. Каневского.

Наладил связь с производством.
Рисунок Ю. Черепанова.

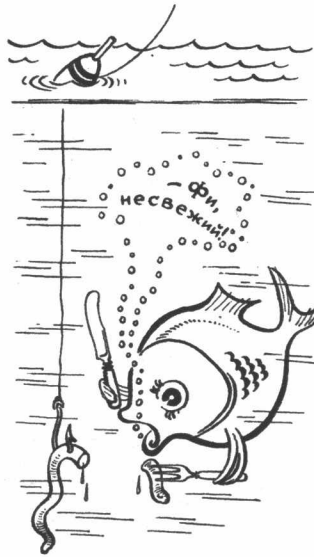
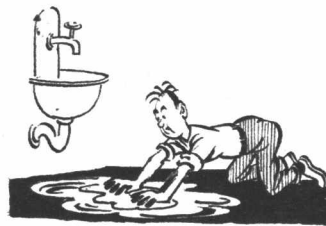

Рисунок Гр. Оганова.

Опасный переход.
Рисунок Вл. Гальба.

Предпраздничная уборка холостяка.
Рисунок Ю. Черепанова.

Влюбленный пингвин.
Рисунок Вл. Гальба.

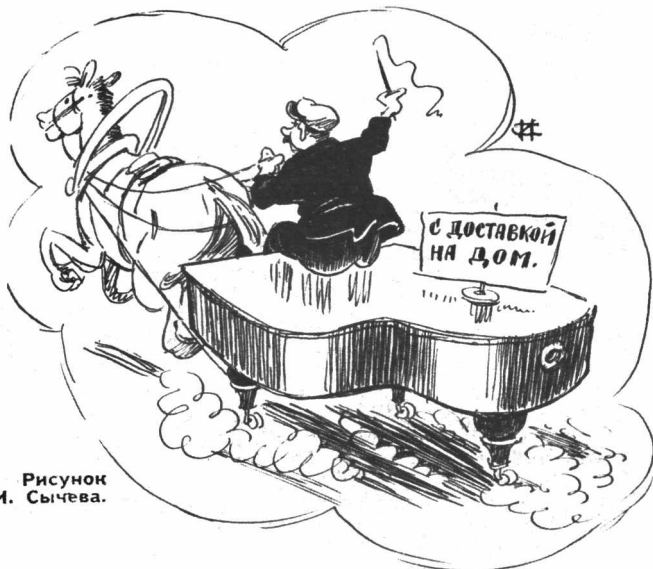

Рисунок
И. Сычева.

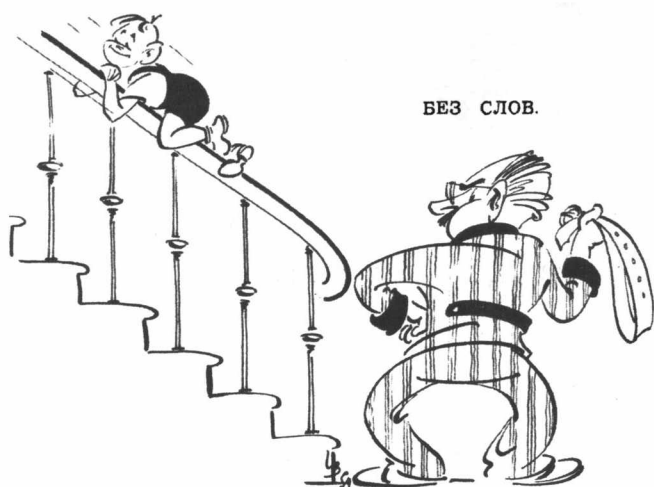
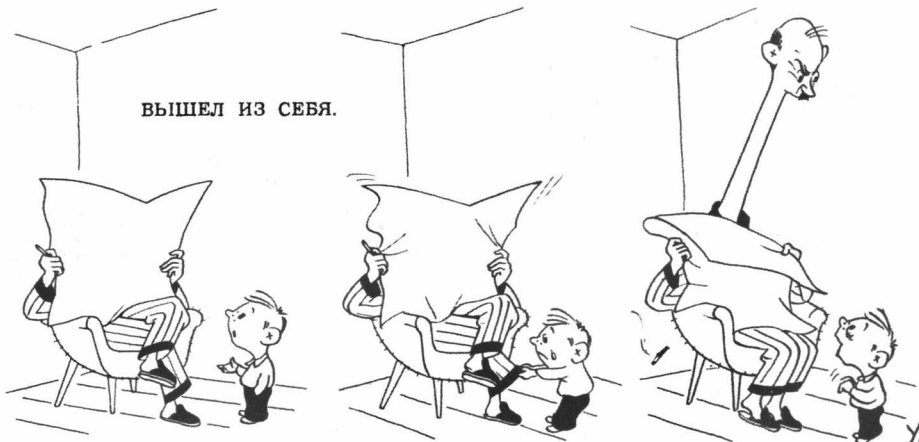

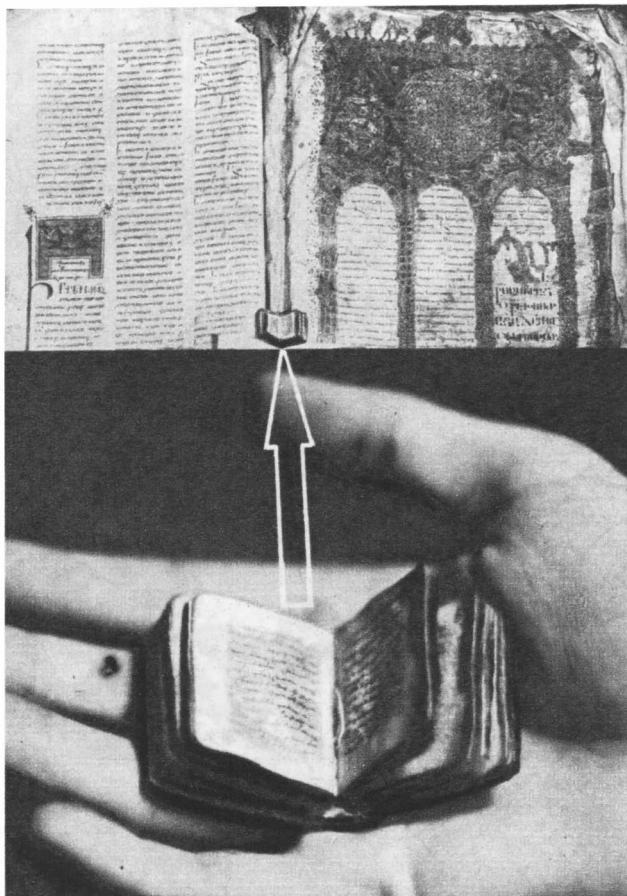
Рисунок В. Черникова.

— Вот такой!!!
Рисунок М. Ушаца.

— Пап, какой из себя жираф? — Па-ап, какой из себя жира-аф?

Исполин и малютка

Две древнеармянские книги. Книга-малютка весит 19 граммов, книга-исполин — 34 килограмма.

Пергаментному исполину 758 лет, пергаментной малютке — 525. Прodelав долгий путь по различным землям, они сошлись в Матенадаране — в одном из древнейших и богатейших книгохранилищ мира в Ереване. Вековые странники теперь спокойно лежат рядышком на мягком бархате под стеклом.

Первую рукопись можно назвать книгой-библиотекой.

Это самый большой в мире рукописный памятник на древнеармянском языке. Для составления книги потребовалось около 700 теллячих шкур. На больших листах рукописи, сохранившей в себе 200 различных произведений древнеармянской, греческой и других литератур, записана и биография уникальной книги. Она была составлена по заказу богатого армянина Аствацатура Ба-

бердци. Переписывал книгу три года (1201—1204) писец Вардан Карнеци.

В книге мы читаем о том, как в 1204 году сельджуки убили хозяина рукописи и похитили ее вместе с имуществом. Тогда армяне из разных районов собрали 4 тысячи драхм и выкупили книгу. Более семи веков пергаментный исполин прожил в одном армянском монастыре. Когда разразилась первая мировая война, мушские армяне, спасаясь от турецких погромов, взяли с собой реликвию предков. Двухпудовую книгу разделили пополам и унесли в разные стороны. Через два — три года первая половина поступила в Матенадаран. Другая группа беженцев зарыла свою ношу в землю, чтобы она не попала в руки врага. Эту часть рукописи нашли и привезли в Матенадаран в 1921 году. В результате скитаний уцелели 624 листа. 17 листов попали в Италию и ныне хранятся в Венеции.

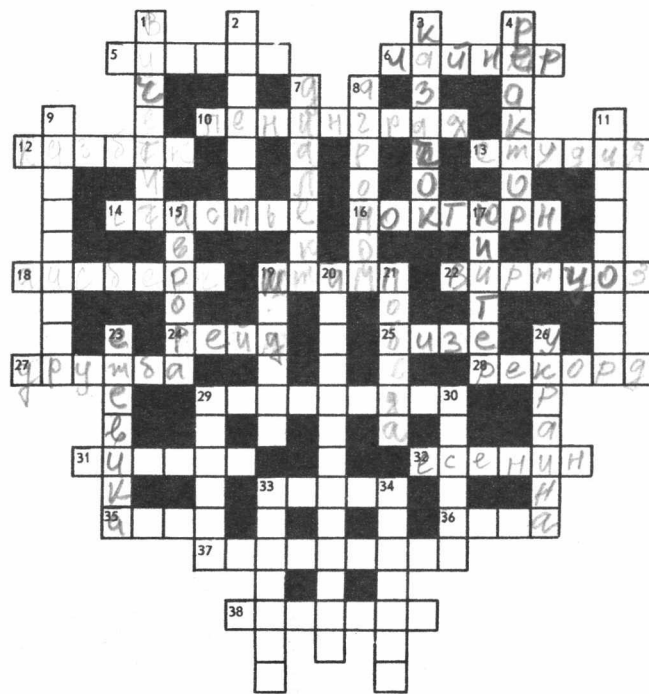
Рукопись размером менее спичечной коробки содержит 104 пергаментных листа и вместе с переплетом весит 19 граммов. Исследователи читают ее с помощью микроскопа. Это теория календаря, написанная каллиграфическим почерком писца Огсента в 1434 году в Крыму. На протяжении пяти веков книжечка бережно передавалась из поколения в поколение. Она скиталась по многим городам: Феодосии, Эривани, Петербургу, Тифлису, Москве. В 1873 году ее нашел в Эривани среди камней и ила, нанесенных наводнением, редактор издававшегося в Петербурге армянского журнала «Аракс» Симон Гуламирян. Находка 15 лет лежала в стеклянной коробке на столе редактора в Петербурге. Пятнадцать тысяч рукописей, среди которых имеется даже одна окаменевшая, хранится в ереванском книгохранилище.

Геворг АБГАРЯН, старший научный сотрудник Государственного хранилища древних рукописей

Ереван.

На четвертой странице обложки: Советские почтовые марки, посвященные завоеванию космоса.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Космическая ракета. 6. Корабль. 10. Город-герой. 12. Вершина Большого Кавказа. 13. Мастерская художника, скульптора. 14. Роман П. Павленко. 16. Музыкальная пьеса. 18. Ледяная гора. 19. Инструмент для изготовления деталей давлением. 22. Артист, в совершенстве владеющий техникой своего искусства. 24. Место стоянки судов. 25. Французский композитор XIX века. 27. Китайский журнал, издаваемый на русском языке. 28. Наивысшее достижение. 29. Русский драматург. 31. Минерал. 32. Автор поэмы «Русь Советская». 33. Электронная лампа. 35. Один из главных элементов питания растений. 36. Предмет повествования. 37. Сорт яблок. 38. Соревнование, соискание.

По вертикали:

1. Автор скульптуры «Перекуем мечи на орала». 2. Руда для получения бария. 3. Украинский танец. 4. Атомный котел. 7. Местное наречие. 8. Специалист по сельскому хозяйству. 9. Тара для транспортировки грузов. 11. Уборочная машина. 15. Исторический крейсер. 17. Планета. 19. Действующее лицо в пьесе Н. Погодина. 20. Новая отрасль науки. 21. Успех в битве, борьбе. 23. Ягодный кустарник. 26. Союзная республика. 29. Периодическое издание. 30. Кинофильм о молодежи. 33. Рыболовное орудие. 34. Уверенность в добросовестности, искренности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

5. «Сампо». 8. Ишхан. 9. Гольбах. 10. Аневрин. 11. Леониды. 13. Класс. 16. Рафаэль. 17. Корабль. 18. Протест. 21. Гендель. 23. Торит. 26. Гринвич. 27. Центнер. 28. Кремний. 29. Пепел. 30. Ковёр.

По вертикали:

1. Гаганова. 2. Богара. 3. Вихров. 4. Гамадрил. 6. Фланель. 7. Обелиск. 12. Панты. 13. Клёт. 14. Сонет. 15. Гайда. 19. Родригес. 20. Топчиев. 21. Гиацинт. 22. Лагерлёф. 24. Свёкла. 25. Жнейка.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ [заместитель главного редактора], Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01010. Подписано к печати 3/ХІ 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1561. Заказ № 2516.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ВОКРУГ

Луна: — Голова кругом идет...
Рисунок М. Вайсборда.

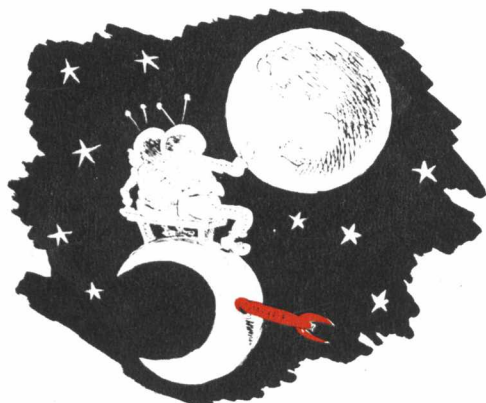
Рекордный прыжок.
Рисунок И. Массина.

Из космического полета.
— Дорогая, ты всегда мечтала иметь лунный камень на серьги...

Рисунок В. Черникова.

ЛУНЫ

Вздохи... на Луне.
Рисунок И. Сычева.

«Луняга».
Рисунок Г. Пирцхалава.

Сон рыбака.
Рисунок Л. Самойлова.

На гастроли.
Рисунок И. Сычева.

Завили кудри...
Рисунок Гр. Оганова.

